

Александр
Барышников-Волков
Планетарные скитальцы

Александр Барышников-Волков

Планетарные скитальцы

«Издательские решения»

Барышников-Волков А.

Планетарные скитальцы / А. Барышников-Волков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989963-7

Вы любите женщин? Я не сомневаюсь, что любите. А будете ли вы их любить, если они станут не только сильными и независимыми, но еще и смертельно опасными? Эта книга поведает вам о мрачном будущем, в котором нет места романтическим сантиментам. Будущем, где доверие оборачивается предательством, а мягкотелость — расчетливой манипуляцией. Это мир, в котором выживают лишь циники и мерзавцы. Ведь даже самую опасную в мире женщину можно цинично использовать. Хотите узнать как? Прочитайте книгу до конца.

ISBN 978-5-44-989963-7

© Барышников-Волков А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Часть первая	37
Глава 7	37
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Планетарные скитальцы

Александр Барышников-Волков

© Александр Барышников-Волков, 2020

ISBN 978-5-4498-9963-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Глава 1

Высокие мозаичные своды хрустального сада бросали россыпь огромных солнечных зайчиков в кольцевидный канал, опоясывающий сад. Несмотря на работу устройств климатического контроля внутри купола, внутри которого находилась усадьба и плантации, сила солнечных лучей была так велика, что в периоды солнечной освещенности, над водами канала постоянно стояла густая завеса водяного пара. Большой фонтан, бьющий в центре этого рукотворного оазиса и питающий весь сад живительной влагой, выбрасывал в воздух искрящуюся колонну ледяной воды поступающей из резервуара в нижней полусфере кластера. Здесь, в самом сердце клановой усадьбы фон Котикофф, располагалась оросительная система, снабжающая водой всю плантацию. Тонкие ручейки ключевой воды расплзались от чаши фонтана по черепичным желобкам по всему саду и впитывались в грунт, питающий оазис. Излишки воды, не впитавшиеся корневыми системами растений, просачивались через пласты грунта в кольцевидный канал. Оттуда, по ирригационным тоннелям, вода уходила с территории усадьбы к остекленным гидропонным плантациям, тянувшимся во все стороны до краев герметичного купола, составляющего верхнюю полусферу кластера. Сам шарообразный кластер был один из многих сферических сооружений, сцепленных в огромную гроздь, свободно летящую на высоте пятьдесят километров над поверхностью планеты со скоростью несущего её ветра. Герметичный купол защищал всю систему от солнечной радиации, шквального ветра, кислотной атмосферы и адской жары, вечно стоящей на Венере. Ни одна капля драгоценной влаги не терялась понапрасну. Все шло на пользу клану. Технология «город в облаках» стоила каждого платинового слитка, уплаченного инженерам корпорации «Докуга», которые своими технологиями обеспечили венерианской цивилизации спокойную и доходную жизнь. Самоходное робокресло, на мягких подушках которого покоилось двухсоткилограммовое тело Изольды фон Котикофф, также являлось творением рук марсианских инженеров. Без этого вспомогательного устройства, Великая Мать клана не смогла бы передвигаться по своим обширным владениям. Любое мышечное напряжение его тела, непривычного к физической нагрузке, раздражало Изольду, вызывая повышение артериального давления и сильное покраснение круглого одутловатого лица. Впрочем, в данный момент, густую багровую краску на лице вызвали вовсе не попытки пошевелить массивными конечностями. Великая Мать во весь голос распинала пухлую молодую девушку в мешковатом комбинезоне, стоявшую напротив Изольды, и нервно мявшую в руках зеленый берет.

– Труды, ты забыла про свой долг перед кланом. Тебе прекрасно известно, как мало нас осталось. И ты знаешь, что соседи спят и видят, как бы поделить между собой всё, что наживалось родом фон Котикофф на протяжении последних пятисот лет.

Девушка отвела испуганные глаза от грозного багрового лика Великой Матери, потупив взгляд в щебень дорожки. Тем временем, Изольда все больше распалила сама себя звенящим от ярости голосом.

– Разве ты хочешь на всю жизнь остаться всего лишь сестрой? Подумай сама – какая жизнь тебя ждет? Сестра, не ставшая матерью, никогда не сможет претендовать на место в иерархии клана. А я надеялась дать всем своим дочерям равные шансы побороться за свое место после моей смерти.

Девушка бросила робкий взгляд на мать.

– А как же Ирмингард?

Великая Мать поперхнулась и замолкла. Кровь отлила от ее круглого лица, уступив место смертельной бледности. В узких щелочках глаз блеснули слезы.

– Именно поэтому, Гертруда, я и хочу, чтобы ты стала матерью. Мы все гордились Дорой, когда она вступила в академию. Ты прекрасно помнишь, как мы праздновали её производство в капитаны и назначение командовать «Монтесумой». И ты помнишь наше горе, когда 10 лет назад Ирмингард не вернулась с рубежа. Нам даже не доставили её останков, чтобы мы смогли её оплакать и достойно похоронить. Может быть искалеченное замерзшее тело твоей старшей сестры до сих пор болтается где-то в космосе. Я понимаю, что Ирмингард всегда была для тебя идеалом, образцом для подражания, но я не хочу, чтобы кто-то из моих дочерей повторил её судьбу. Ты станешь матерью. Это не обсуждается.

Изольда закусила пухлую губу, сглотнув комок подступивший к горлу. Труды спрятала руки с беретом за спину, подняла на мать осмелевший взгляд и перешла в контрнаступление.

– Но матушка, мне противны мужчины. Я не желаю вступать с ними в связь. Кому как ни тебе знать, насколько это противно для любой из сестер.

Мать смерила Гертруду насмешливым взглядом.

– Ты так уверенно говоришь, как будто уже попробовала.

Лицо девушки залилось краской. Она вновь стыдливо опустила глаза к земле.

– Ничего подобного. Я бы никогда не позволила мужчине...

– Успокойся, никто тебя ни в чем не обвиняет.

Голос матери смягчился и приобрел монотонные учительские нотки.

– Ты же знаешь, что при искусственном оплодотворении лишь первое поколение обладает достаточной фертильностью. А каждое последующее сокращает показатели фертильности на сорок процентов. Именно так клан Горски и вымер. Как и все прочие пуристы до них. За последние тысячу лет экстракорпоральное оплодотворение не стало ни на йоту безопаснее. А человеческий партеногенез так и остался в фантастических романах. Ты совершенно права, я лучше всех вас знаю, каково это-быть с мужчиной. Я родила десять детей. И ни одного мертворожденного. Ни одного. Сила клана в численности и единстве. Фон Котикофф всегда были самым сильным кланом. Много раз соседи пытались отобрать наши плантации. И где они сейчас? Превратились в компост. А мы живем и процветаем. Поэтому ты сделаешь это ради клана. А чтобы как то облегчить твои страдания, я обещаю сделать тебе презент, достойный моей наследницы. Презент, о котором будем знать только мы с тобой. Я оплачу его не из клановой казны, а из своих сбережений. Подумай хорошенько, чего именно ты хочешь.

В хитро прищуренных глазах девушки загорелся лукавый огонек. Малышка Труды всегда получала то, чего желала. Так или иначе...

Генриетта ван Дейк отчаянно цеплялась за выступы искусственной скалы. Цепляться было тяжело-её ладони обильно потели, пальцы соскальзывали с серых покатых булыжников, из которых была построена стена. Металлический привкус во рту вызывал у Генриетты тошноту. Тем не менее, она лишь крепче сжимала челюсти, удерживая в зубах свой тактический нож. Зубья пилы на обухе глубоко впились в уголок её рта. Тонкая струйка крови медленно ползла по подбородку, смешиваясь с капельками пота. Еще два метра. Два метра до грота на вершине искусственной скалы, где её ждет последнее испытание. Мастерка ножевого боя, у которой последние два года Генриетта училась владеть холодным оружием. Испытание, которое может стоить ей жизни. Налобный фонарь на голове девушки мигнул и конус света, освещающий ей остаток пути, сменил цвет с ярко белого на тускло желтый. Заряд батареи в фонаре был рассчитан ровно на столько, чтобы претендентка успела преодолеть препятствие. Если в ходе испытания, претендентка оказывалась недостаточно проворной, ножевой бой ей надлежало провести в кромешной тьме, рассчитывая только на свой слух и рефлекс. Впрочем, и такой расклад, вполне устраивал Генриетту. Всю свою недолгую жизнь ей прихо-

дилось бороться. За лишний кусок тушенки, за край сухого одеяла, за глоток чистой воды. За все то, что позволяло ей прожить еще один день.

Девушка упорно поднималась вверх, пружинисто отталкиваясь рифленой подошвой сапог от шершавых валунов. Её рука наконец то легла на карниз. Влажные от пота пальцы почувствовали холод металла. И в этот момент острая боль пронзила фаланги. Тыльную сторону ладони накрыл мысок чужого сапога.

– Ну здравствуй, Генриетта. Я вижу, что силы тебя не оставили. Умница.

Низкое грубоватое контральто резануло по чутким ушам девушки. В конусе света фонаря показался розовый берет с кокардой в виде кулака.

– Я надеюсь, ты покажешь мне все, на что ты способна. И даже больше. Начнем с твоего умения терпеть боль.

Мастерка перенесла весь вес своего тела на мысок сапога. Генриетта еще крепче стиснула зубы, чтобы не закричать. И в этот момент удача улыбнулась ей. Грузная женщина не рассчитала сил, которые вложила в истязание претендентки и её тело по инерции качнулось в сторону обрыва. Её лицо на мгновение попало в конус света. На миг мастерка рефлекторно зажмурилась, но этого мгновения оказалось достаточно для Генриетты. Свободной рукой, девушка перехватила рукоятку своего тактического ножа, разжимая сведенные болевой судорогой челюсти, и с размаху вонзила его в ненавистную ногу, зажавшую её кисть. Лезвие ножа прошло насквозь стопу истязательницы и глубоко вошла между пястными костями её руки. Два крика слились в единый вопль. Наконец то Генриетта могла позволить себе дать выход боли и гневу. В этот момент её правая нога соскользнула с влажного булыжника, пропитанного потом её собственных ладоней. Тело девушки повисло над пропастью, держать на одном только ноже, застрявшем в стопе истязательницы. Пальцы здоровой руки мертвой хваткой сомкнулись на рукояти ножа. Сердце Генриетты бешено колотилось, разгоняя кровь насыщенную адреналином по всему телу. Тело бил озноб от ярости, возбуждения и болевого шока. А где-то там, наверху, за металлическим карнизом, глухо по волчьей выла от боли мастерка по ножевому бою, упавшая на спину и отчаянно цепляющаяся тремя свободными конечностями за металлический парашют, не давая весу тела претендентки утащить её вместе с собой вниз-к верной смерти. Прошитый насквозь сапог быстро наполнялся горячей кровью из пульсирующей сквозной раны. Кровь беспрепятственно вытекала по долам ножа-очевидно удар рассек одну из крупных артерий. Положение было патовым...

Звуки тяжелых чеканных шагов ректорессы Лины Мондьё многократно отражались от полусферических сводов. В тишине огромного зала собраний главного корпуса венерианской сестринской академии стук её каблуков был слышен всем претенденткам, стоящим стройными рядами в двух колоннах по пять. Высокие и низкие, мускулистые и пухлые, белые, черные, желтые-все они были затянuty в абсолютно одинаковые камуфляжные комбинезоны, скрывающие мешковатостью своего покроя их фигуры. Голову каждой венчал типовой зеленый берет с кокардой в виде кулака, сжимающего еще не распутившийся бутон тюльпана, символизирующий их незрелость.

– Итак, все присутствующие доказали, что достойны стать частью нашего славного сестринства. Кто то силой и умением выживать. Кто то хитростью и способностью к дипломатии. За кого то из вас внес выкуп ваш клан.

Ректоресса со скрипом повернулась на пятке и пошла в обратную сторону вдоль первой шеренги.

– Сейчас вы находитесь на перекрестке своей жизни. До сих пор, обучаясь в академии, вы были попутчицами. Теперь, когда ваши пути разойдутся, вы можете никогда не встретиться, или встретиться врагами. В подобном случае помните, что сестринство превыше всего. Почитайте врагов своих даже в смерти, если вам доведется пролить кровь сестры. Разумеется, тем

из вас кто выберет путь материнства, больше никогда не доведется взять в свои руки оружие. Что никак не помешает им убивать чужими руками.

Лина громко прокашлялась и продолжила.

– Есть и такие из вас, кто захочет покинуть родную планету, ради престижной службы в войсках Солнечной Федерации. Для вас у меня есть особое наставление. Где бы вы ни были, какой бы пост ни занимали, вы навсегда останетесь венерианками. Сестра за сестру. Ради наших общих интересов мы помогаем друг другу, забыв меж клановые распри. Только своей монолитной сплоченностью мы сможем победить в нашей древней борьбе.

Ректоресса дошагала до подиума, на котором подбоченясь стояла мускулистая женщина в легком кевларовом костюме красного цвета, лицом как две капли воды похожая на грузную и слегка обрюзгшую Лину Мондье. На этом их сходство заканчивалось.

– Ну и разумеется, будут среди вас и те, кто выберет истинный путь сестры и вступит в венерианские войска специального назначения. Станет карающей дланью нашего сестринства. Но не думайте, что попасть в эти элитные подразделения будет легко. Только лучшие из лучших смогут облачиться в красное.

Лина поднялась по ступенькам на подиум и положила руку на плечо мускулистой женщине.

– Позвольте вам представить капитанку Кану Мондье. Предвосхищая ваши вопросы скажу – она моя сестра не только по клану, но и по крови. Тем не менее, решение доверить ей отбор лучших кандидатов продиктовано вовсе не родственными связями. Кана обладает уникальным боевым опытом и прекрасно разбирается в людях. По окончании построения те из вас, кто захочет пройти тест, должны остаться и поговорить с капитанкой Мондье. А сейчас мы переходим к главному событию сегодняшнего дня-церемонии вручения дипломов.

Ректоресса спустилась с подиума и вернулась к столу с терминалом, за которым сидела её адъютантка и уже перебирала толстую кипу документов, пытаясь уложить их в алфавитном порядке...

Гертруда сидела на лавочке рядом с памятником Симоны де Бовуар и вертела в руках кусок эластичного пластика, на котором был отпечатан диплом. Девушка тяжело вздохнула, перед тем, как вернуть его в карман своего планшета и подумала вслух.

– А ведь на эти деньги мать могла бы купить мне яхту с полным экипажем на борту. Яхту, способную облететь всю Солнечную систему.

Труди бросила мечтательный взгляд на сияющие в солнечных лучах пластины купола, защищающего город от палящего радиацией солнца и лютого ураганного ветра, вечно бушующего на поверхности Венеры, пытаясь силой своего воображения проникнуть сквозь эту завесу и достать до величественной пустоты космоса.

– Мы полетели бы вместе-знакомый звонкий с легкой хрипотцой голос раздался прямо над ухом Гертруды. Труди вздрогнула от неожиданности. Гибкое мускулистое тело бесцеремонно плюхнулось рядом на лавочку.

– Возьмешь меня первым помощником?

Генриетта обняла Труди за шею здоровой правой рукой. Левая все еще висела на перевязи, забинтованная до состояния культи.

– Гета, я же просила тебя не подкрадываться так внезапно. У меня душа в пятки ушла.

Генриетта ван Дейк звонко рассмеялась. Озорные искорки заплясали в ее влажных карих глазах.

– Прости, Труди, когда учишься передвигаться бесшумно, тело привыкает к этому на уровне рефлексов. Привычка-вторая натура.

Гертруда слабо улыбнулась, на её пухлых щеках проступили ямочки.

– Ну как у тебя с тестом? Когда будут результаты?

Гета хитро прищурилась, приняв горделивую позу и задорно задрал подбородок.

– Результаты будут через неделю, но я думаю капитанка от меня в восторге. Она два раза перечитывала отчет о моем экзамене. Спрашивала, при каких обстоятельствах я получила ранение и проходила ли я раньше тесты на болевой порог. Сказала, что если бы окончательное решение вопроса зависело только от нее, я бы уже завтра носила красное.

Труди еще раз грустно улыбнулась и слегка вздохнула.

– Значит, первым помощником ты у меня уже не станешь. К концу года у тебя как раз заживет рука, и тебя заберут в учебную часть. И мы не скоро увидимся.

Генриетта мягко погладила подругу по голове здоровой ладонью.

– Ну зачем ты так грузишься? У нас с тобой впереди целый венерианский год. Наш год. Это целых 225 суток по федеральному стандарту. Неужели тебе мало? Живи сегодняшним днем. Наслаждайся свободой.

Гертруда отвела взгляд и сглотнула подступивший к горлу ком.

– Ты не понимаешь. У тебя впереди интересная жизнь. Тренировки, полеты, опасности, новые впечатления. Ты всю свою жизнь воспринимаешь как одно сплошное приключение. А что ждет меня? Я не хотела тебе говорить, но моя мать хочет, чтобы я стала матерью уже в этом году. Прошла инициацию и зачала потомство.

По пухлым щекам девушки покатались слезы. Гертруда закусила губу, не давая рыданиям вырваться наружу. Взгляд Генриетты стал серьезным, она сочувственно вздохнула и ответила.

– Труди, до встречи с тобой моя жизнь состояла лишь из борьбы за выживание. Я не ожидала этих отношений, не рассчитывала, что в моей жизни появишься ты. Именно потому я и так радуюсь тому, что у нас, между нами, есть здесь и сейчас. Потому, что в жизни может внезапно вновь начаться темная полоса. Стараюсь жить ярко, пока мне светит солнце и улыбается удача. Стараюсь улыбаться ей в ответ. Потому, что понимаю, что так будет не всегда.

Гертруда уткнулась в плечо подруги и беззвучно зарыдала. Тем временем Генриетта продолжала.

– Тем более, подумай, как отреагирует твоя мать, когда и если она узнает о нашей связи. Фон Котикофф уничтожили почти весь клан ван Дейков двести лет назад. Она наверняка считает, что любая ван Дейк, если она и выжила, спит и видит, как бы воткнуть кинжал в её глотку. И насколько я знаю сестер своего клана, она не далека от истины. Многие хотели бы кровной мести. Но не я.

Труди всхлипнула и подняла на Гету заплаканные глаза.

– Из за меня?

– Да, разумеется из-за тебя. Из за кого же еще?

Генриетта вновь запустила пальцы здоровой руки в густые каштановые волосы подруги, почесывая её как котенка за ухом. Гертруда вытерла слезы рукавом и внезапно твердым голосом попросила.

– Обещай мне, что если у меня все таки будет яхта, ты все бросишь и станешь моим первым помощником.

Гета мягко улыбнулась в ответ, прижимая подругу к себе еще теснее.

– А куда я денусь? Хочешь, я поклянусь тебе на розовом берете? Жаль, что нам их пока что не выдали. На зеленом клятва не считается.

Труди подняла глаза на её зеленый берет, который девушка так и не удосужилась снять с головы, затем скользнула взглядом по черным как смоль волосам, остриженным и уложенным в каре. Её пухлые губы растянулись в лукавой улыбке. На щеках вновь проступили ямочки.

– У меня есть идея получше. Нам с тобой не нужны береты. Тем более, возможно, мы не будем их носить всю жизнь. Давай скрепим наши отношения, покрасив волосы в розовый цвет. И не будем менять цвет до тех пор, пока помним друг друга.

Влажные глаза Генриетты заблестели огоньками азарта. Она широко улыбнулась, обнажив крупные ровные зубы.

– Вот это другой разговор. Мне нравится твой настрой, Труды. Давай так и сделаем. Ты и я. Розовые навсегда.

Две девушки сидели на лавочке обнявшись, и лишь бронзовая Симона де Бовуар, возвышающаяся над их головами, была молчаливой свидетельницей их тайной клятвы.

Глава 2

Легкий ветерок, шелестя листвой деревьев, приятно обвеивал лица двух собеседниц, распивающих ароматный венерианский кофе наивысшей пробы. Ветерок сдувал дымку, поднимающуюся над горячими чашками и разносил тонкий кофейный аромат по всему кампусу академии.

– Гарсон, долго нам еще ждать наших круассанов?

Зычный требовательный голос ректорессы академии заставил маленького, и без того щуплого официанта, сжаться от страха.

– Сию минуту, мадам. Я сбегаю проверю, как там дела у повара.

Маленький человечек покинул открытую террасу и исчез в дверях кофейни, звякнув на прощание дверным колокольчиком, оставляя собеседниц наедине.

– Ну вот, теперь мы можем наконец поговорить о делах.

Ректоресса улыбнулась сестре хитрой многозначительной улыбкой. Кана Мондьё проводила взглядом уходящего официанта.

– Лина, ты с самого нашего детства была мастерицей на такие трюки с манипуляциями.

– Ну а как же иначе? Если бы не трюки, я бы сейчас не занимала свою должность. Хочешь жить-умей вертеться.

Сестры дружно не сговариваясь рассмеялись, радуясь недолгой возможности снять со своих плеч груз должностей, званий и регалий, и побыть просто самими собой.

– Ну, что скажешь? Как тебе новый выпуск? Кто из девочек тебя заинтересовал?

Кана задумчиво посмотрела в свою чашку, на причудливый узор, образованный на поверхности бодрящей жидкости густой аппетитной пенкой.

– Да, есть несколько достойных кандидатов. Остальные, к сожалению, всего лишь выскочки с раздутым самомнением. Впрочем, обычно такие не выдерживают и двух месяцев усиленных тренировок. В конце концов именно в этом и состоит моя работа. Отсеять неликвид.

Ректоресса отхлебнула из чашки, на мгновение зажмурилась от удовольствия, и мягким бархатным голосом кошки, только что слизавшей целое блюдо сметаны, уточнила.

– В целом мне и самой это понятно, я сама принимала их в академию, проводила личное собеседование с каждой и точно помню, за кого из них заплатили. Я про тех девушек, которые добились всего сами. Меня интересуют конкретные имена.

Капитанка мягко улыбнулась, помассировав пальцами виски, силясь вспомнить вчерашних соискательниц.

– Маккензи выглядит очень впечатляюще. Умом не блещет, но прекрасная фактура. Рослая, ширококостная. Она отлично управится с тяжелым ракетометом даже без силовой брони.

Лина одобрительно закивала, вспоминая рыжую силачку Маккензи, единственную со всего потока, оказавшуюся способной еще на первом курсе положить на лопатки тренерку по сумо. Тем временем Кана продолжала.

– Судя по табелю, очень интересные результаты показала Сильва. Девяносто шесть процентов. Как такое возможно?

Ректоресса грустно вздохнула и стыдливо отвела взгляд.

– Боюсь тебя разочаровать, но этот табель-результат протекции. Мария Сильва-внучка адмирала Дорис Сильвы.

Капитанка сочувственно хлопнула сестру по запястью.

– Не хочешь портить отношения с космофлотом? Понимаю. Тем более, что клан Сильва силен. Не волнуйся, я все устрою. Мы примем Сильву в учебный состав, а потом я напишу письмо в приемную адмирала, с просьбой присвоить кадетке Марии Сильве внеочередное зва-

ние, с переводом в космофлот. Разумеется, за проявленные ею экстраординарные способности. И пусть адмирал Сильва сама занимается своим «сокровищем».

Лиана поперхнулась от смеха, пролив немного кофе на столик. В глазах ректорессы плясали озорные огоньки.

– Спасибо, Кана. Ты меня очень этим выручишь. Уже в который раз. И как всегда, удивительно элегантно способом.

Кана Мондые горделиво приосанилась, сложив своим мускулистые руки на груди.

– Не ты одна мастерица в хитрых комбинациях. Интриги у нас в крови. Иначе, клан Мондые давно бы истребили.

Ректоресса промокнула пролитый кофе салфеткой и одобрительно закивала головой.

– Это отличный повод поднять бокалы за клан. А поскольку, не пристало двум солидным матронам распивать спиртное на глазах у публики, давай закажем кофе по ирландски. Тем более, что ты свой уже допила, а я свой благополучно пролила.

Лиана Мондые подняла руку и звонко щелкнула пальцами.

– Гарсон. Гарсон, бездна тебя побери. Сколько можно ждать?

Вновь звякнул входной колокольчик, прозрачная дверь отворилась и на террасу вбежал запыхавшийся официант с подносом, на котором возвышалась блюдо с горкой аппетитных круассанов, источающих аромат ванили и шоколадной начинки. Маленький человечек поставил блюдо с благоухающим содержимым посреди столика и собрал пустые чашки.

– Любезный, принеси нам два кофе по ирландски.

По хозяйски распорядилась ректоресса, беря с блюда еще горячий круассан.

– Извольте приготовить с венерианским виски или с марсианским?

Лицо Лины налилось кровью, она нетерпеливо пнула официанта в голень.

– Полудурок. Как ты смеешь предлагать нам марсианское пойло? Думаешь, уважаемые матроны будут пить эту мерзость. Или ты забыл, что всё самое лучшее производится на Венере? Неблагодарный мужлан. Мы позволяем таким как ты жить в наших прекрасных небесных городах, питаться плодами возвращенными на наших гидропонных плантациях, а ты, неблагодарная свинья, пытаешься напоить нас отравой...

Официант, прихрамывая, со словами «сейчас все будет» опрометью бросился в двери заведения. В след ему хлопнула дверь и жалобно звякнул колокольчик.

Кана Мондые жизнерадостно рассмеялась, наблюдая за этой сценой.

– Так его. А то совсем распоясались. Скоро совсем нам на головы сядут. Наверное спят и видят, чтобы у нас все стало как на Марсе. Равноправия захотели, слизняки. Марсианский виски. А что дальше? Может быть марсианские зарплаты? А потом мы оглянуться не успеем, как окажемся в марсианском публичном доме. Или еще того хуже-у плиты в переднике с рюшечками.

Ректоресса неопределенно махнула рукой в сторону двери.

– Забудь. Давай вернемся к делам. Кто еще из моих воспитанниц тебе приглянулись?

Кана с хрустом надломил круассан и задумчиво посмотрела на проступившую сквозь надлом шоколадную начинку.

– Скажи, а табель Генриетты ван Дейк тоже проплачен? Ван Дейк-это маленький разрозненный клан, давно потерявший свои родовые земли. О них уже пару сотен лет не было ни слуху ни духу. Я вообще сильно удивилась, когда услышала эту фамилию. Откуда у клана средства на протекцию?

Лиана хитро прищурилась. Её радовала каждая возможность чем то впечатлить сестру.

– Генриетта ван Дейк поступила к нам не по протекции. С чего ты решила, что её табель проплачен?

Зрачки капитанки расширились, челюсть слегка отвисла. Она так сильно сдавила круассан, что шоколадная начинка крупными каплями закапала на поверхность столика.

– В таком случае она является обладательницей редкого воинского таланта. Победить мастерку ножевого боя, отправив её на месяц в госпиталь, и при этом отделаться легким ранением-это надо умудриться. Кроме того, соотношение её комплекции и физических характеристик явно отличается от всех остальных. Даже среди моих тренированных подчиненных, далеко не все обладают подобными данными. А они не детский сад-подготовительная группа, а седьмой венерианский батальон специального назначения.

Ректоресса улыбнулась и похлопала сестру по предплечью.

– Она напоминает мне тебя в юности. Уверена, в своем подразделении, ты найдешь достойное применение её талантам и сможешь их правильно развить. Так что подбери упавшую челюсть с пола и принимайся за еду. А то, говоря о нашей с тобой юности, ты вся перемазалась в шоколаде, прямо как тогда, когда мы с тобой залезли в столовую за конфетами. Помнишь, как мы тогда убегали от охранницы?

Сестры вновь добродушно рассмеялись, глядя друг другу в глаза. Воспоминания о счастливом детстве и искрометной юности цементировали их кровную связь крепче любой круговой поруки.

Кана облизала перемазанные в шоколаде пальцы. На её волевом лице заиграла блаженная улыбка. На миг сквозь грубые черты кадровой офицерки проступил образ молодой шкодливой девчухи, в жизни которой не было большего удовольствия, чем пригоршня ворованных шоколадных конфет.

– Это тот самый вкус. Ты знала, что тут подают такую вкуснятину, когда приглашала меня сюда?

Лина протянула пухлую ладонь и ласково потрепала сестру по плечу.

– Ну разумеется, знала. Я хотела тебя порадовать. Ведь ты моя единственная кровная сестра. О ком мне еще заботится?

Кана Мондые ответила ректорессе благодарным взглядом и, придвинув к себе блюдо с круассанами, принялась уплетать угощение за обе щеки...

Доктор Дитрих Фостер сжал пальцами маленький пульверизатор, пропитывая влагой губку, и приложил этот источник живительной влаги к своим жабрам на шее. Фостер всегда чувствовал сухость в жабрах, когда нервничал. А повод для волнения у него был.

– Профессор, мы стоим на пороге прорыва в области экологии. Если эта озоновая карта верна, уровень кислорода в атмосфере поднялся до предсказанного вами значения и ультрафиолетовая радиация наконец то экранируется полностью.

Доктор перевел взгляд с огромной голографической карты Земли на мирно парящего напротив него в невесомости профессора Робура Ларина. Профессор одобрительно кивал словам Фостера, разглаживая когтистым пальцем перепончатой руки густые седые брови.

– Дитрих, мальчик мой, в точности предсказанного я не сомневался, поскольку все в этом мире имеет циклическую природу. Причем не круговую, а природу спирали, когда каждый следующий виток выводит процесс на новый уровень. Истории свойственно повторяться. Каждая новая война масштабнее и страшнее предыдущей. Каждый новый технологический рывок поднимает человечество на новые высоты. Или повергает в новые глубины, как в нашем случае.

Профессор едко засмеялся, но закашлялся и, прочистив горло, продолжил.

Истории Земли в этом вопросе не исключение. Если бы человечество не было столь молодо, в наших письменных источниках был бы зафиксирован циклический путь, который периодически проходит Земля. Несколько столетий подряд мы могли лишь строить разные гипотезы, на основе палеонтологических находок и радионуклидного анализа.

Дитрих Фостер пробежался перепончатыми лапами по сенсорной клавиатуре и изображение на голограмме начало преобразовываться. Шарик Земли дрогнул, часть суши поднялось из под воды. Затем континенты плавно пришли в движение. Параллельно с этим, шарик начал

съёживаться. Когда голограмма уменьшилась примерно вдвое, все континентальные плиты сложились, как гигантская мозаика, полностью покрыв поверхность планеты. Фостер зачарованно наблюдал за рекурсивной трансформацией, бросая периодически оживленный взгляд на Ларина.

– Профессор, а почему теория вашего предка не нашла широкой поддержки в научных кругах еще при его жизни?

Робур Ларин покачал головой и нахмурился.

– Любая наука, это прежде всего система. Система сложившаяся и консервативная. Система, которая имеет свою экономику, которая в свою очередь кормит массу голодных ртов. А истину на хлеб не намажешь. Поэтому, теорию моего пращура вспомнили, когда уже было поздно что-то менять. Впрочем, они бы и не смогли, при всем своем желании. Человечество, в своих жалких попытках удержаться в зоне комфорта, накладывало ограничения на самих себя. Придумывались и подписывались международные протоколы. Целые технологические отрасли попадали под запрет. Велась тщетная борьба со всё нарастающими катаклизмами. А все оказалось намного проще. Может быть сама идея антропогенного воздействия так льстила людям, что они не хотели признавать свое ничтожное положение в масштабах вселенной. Для того, чтобы признать себя блохой, сидящей на слоновьей заднице, нужно поступиться собственной гордыней. Собственной доминантностью. А ведь обратно в воду нас загнали не вредные выбросы промышленности, не изобилие мусора, которым человечество загадило планету тысячу лет назад, даже не радиоактивные отходы первых атомных электростанций. Сама Земля, очередным своим циклом геотермальной активности, вернула большую часть человечества в свое водное лоно.

Ларин выудил из кармашка комбинезона бутылочку с питательной смесью и приложился к соске. Мозг гениального ученого требовал постоянной энергетической подпитки.

Зная о многословности профессора и пользуясь возникшей паузой, доктор Фостер добавил.

– Профессор, я конечно не специалист в вашей области, но я читал монографию Джастина Смитсона, в которой он указывал три основных фактора, подтолкнувших наших предков к генным модификациям. Губительное воздействие ультрафиолетовых лучей, дефицит кислорода в атмосфере, возникший в процессе водородной дегазации, и как следствие реакции водорода и кислорода в атмосфере-образование большого объема воды, выпадения осадков и катастрофического подъема уровня мирового океана.

Ларин одобрительно улыбнулся, согласно кивнул и спрятал бутылочку обратно в карман.

– Вы совершенно правы, мой юный друг. И все три процесса прекрасно объяснялись теорией моего предка. Ученому сообществу пришлось признать её справедливость под давлением множества очевидных и катастрофичных для человечества фактов. Все случилось именно так. Во время очередного цикла, недра Земли начали разогреваться, под действием реакций распада субурановых элементов в ядре планеты. Высвобождающийся водород продолжал выходить на поверхность. Сначала через разломы и вулканы. Потом, по мере роста давления, по всей Земле начали образовываться «поры». Геометрически правильные, круглые отверстия, ведущие вглубь земли, через которые и выходил скопившийся водород. Часть из них сразу же закрывались, под действием осадков, образуя круглые озера там, где отродясь не было рек. Тут уж любой домохозяйке, хоть раз в жизни пекшей блины, стало очевидно, что человечество сидит на горячей сковородке, которая дошла до белого каления. Между тем, водород начал активно соединяться с кислородом воздуха, образуя воду, которая выпадала в мировой океан в виде осадков и неуклонно поднимала его уровень. Дышать становилось все сложнее, а старушка Европа ушла под воду, как мифическая Атлантида. Еще немного, и нас постигла бы судьба динозавров и гигантских насекомых, вымерших 65 миллионов лет назад. Вот скажи мне, как биолог, почему в те далекие времена водились стрекозы размером с собаку?

Фостер наморщил лоб, вспоминая курс биологии.

– Стрекозы дышат при помощи трубчатой трахейной системы. Сама по себе трахея состоит из множества жестких колечек, которые не могут сужаться и расширяться, то есть обеспечивать активный вдох или выдох. Поэтому воздух внутри трахейной трубки в принципе неподвижен, а приток кислорода внутрь тела и отток углекислого газа происходит за счет диффузии – из-за разнице парциальных давлений этих газов на внутреннем и внешнем концах трубки. Такой механизм подачи кислорода жестко ограничивает длину трахейной трубки и как следствие на максимальный размер тела самого насекомого. Так что логично предположить, что во времена динозавров, насекомые были крупнее из-за отсутствия этого ограничения, в следствие более насыщенной кислородом атмосферы.

Ларин вновь одобрительно кивнул и радостно захлопал перепончатыми ладошами, аплодируя своему коллеге.

– Браво, мальчик мой, бинго. Динозаврам и гигантским насекомым повезло появиться в тот период Земного цикла, когда дегазация водорода из земных недр снизилась до существенного значения. По некоторым данным, содержание кислорода в ту эпоху достигало целых 35% от всего объема атмосферы. И вымерли гигантские насекомые и рептилии вовсе не из-за падения метеорита, а потому что им банально не хватило воздуха, когда земные недра вновь разогрелись и начали выбрасывать в атмосферу водород. Скажу больше, последовавшее за этим выпадение обильных осадков, также подняло уровень океана и способствовало многим млекопитающим вернуться в водную среду. Правда, в отличие от нас, дельфинам, вернее их далеким предкам, потребовалось для этого несколько миллионов лет и жесткий естественный отбор. Так что слава науке за то, что у нас есть гениальная инженерия.

Дитрих Фостер почесал когитистым пальцем подбородок, пытаясь сопоставить полученные объяснения с тем, что он в своё время вычитал в учебниках.

– Погодите, профессор, вы сказали что все три фактора объясняются теорией вашего пращура. А как же ультрафиолет?

Ларин назидательно поднял указательный палец.

– Это элементарно, друг мой. Поступающий в атмосферу водород вступает в реакцию не только с кислородом, но в первую очередь с озоном, как с наиболее сильным окислителем. Именно поэтому, каждая крупная точка выброса водорода на земле сопровождалась крупной озоновой дырой в небе. Таким образом, когда выброс водорода из земных недр усилился и «поры» пошли практически по всей земле, мы полностью потеряли озоновый слой. Если бы на тот момент мы не успели колонизировать часть планет и спутников солнечной системы, изначального человечества уже бы не существовало. Остались бы только мы-потомки, спасшихся под куполом «Посейдонии». Но я не склонен предаваться унынию, мой юный друг. Несмотря на то, что мы не только потеряли часть родной планеты, но чуть не потеряли самих себя в глубоких холодных океанических водах, мы тем не менее живем и развиваемся. Уже скоро здесь, на станции «Иггдрасиль» достроим наш космический лифт. Тогда мы сможем обеспечить с поверхности планеты большой пассажиропоток и доставку массивных грузов. И тогда у нас, землян, как подвидов хомо сапиенс, появится второй шанс. Вы уже слышали о исследованиях, которые ведутся в нашей колонии на Каллисто? Нет? Так я вам расскажу...

Глава 3

Дверь шлюза открылась, и доктор Дитрих Фостер шагнул в вакуум-на площадку открытого дока. На станции «Иггдрасиль» имелось два дока в разных торцах корпуса. Закрытый док предназначался для малых судов и челноков, а открытый был занят под строительство первого в своей серии фрегата, предназначенного для колонизации. Корпорация «Акватика» впервые решилось на такое масштабное строительство, прежде доступное только объединенным вооруженным силам Солнечной Федерации. Первый опытный образец нового типа судна уже стоял в доке, готовый к выполнению возложенных на него задач. Фостер встал на ленту движущейся дорожки, крепко сцепившись подошвами магнитных ботинок скафандра со стальной ступенькой, несущей его вверх-от шлюза станции к внешней площадке шлюзовой камеры фрегата. Огромная серая глыба борта фрегата казалась бесконечной. Фостеру подумалось, что если бы не громада фрегата, по правую руку от него открылся бы шикарный вид на бесконечное звездное небо. Доктор почувствовал головокружение и повернулся в другую сторону. А по другую сторону от горизонта до горизонта раскинулась родная голубая планета. Знакомые очертания континентов и бескрайний океан, в котором проживал его народ. Тем временем, Фостер уже настолько приблизился к внешней площадке шлюзовой камеры, что заметил на ней фигуру человека в скафандре. Человек поднял руку и приветливо помахал доктору. Фостер включил радиосвязь.

– С добрым утром, Олаф. Давно меня ждешь?

В ответ в шлемофоне раздался зычный красивый голос Олафа Мастерсона.

– Да не то, чтобы долго. Минут десять. Без тебя проклятая система безопасности не желает пускать меня на борт. Я уже подумывал связаться с капитаном и попросить открыть шлюз с пульта, но тут заметил тебя.

Фостер, пользуясь тем, что в шлеме скафандра его никто не видит, скривил самодовольную кривую улыбку.

– Я всегда прихожу в самый подходящий момент. Это моя суперсила.

С этими словами, доктор оторвал правую ногу от стальной плиты и ступил на площадку фрегата. Он приложил перчатку своего скафандра с вшитым идентификационным чипом к считывающему устройству и двери шлюза послушно открылись, впуская коллег в чрево корабля.

– Интересно, кому в голову пришла светлая мысль, назвать эту громадину «Пикселем»? Насколько я знаю древнюю мифологию, пиксель-это маленький крылатый дух. Что то вроде феи.

Олаф Мастерсон изо всех сил пытался запихнуть громоздкий скафандр в шкафчик шлюза, что не мешало ему параллельно проявлять своё ненасытное любопытство. Известный своей компетентностью и часто называемый за глаза «всезнайкой» Фостер незамедлительно ответил.

– Поговаривают, что имя фрегату дал сам Ларин. У старика философское чувство юмора. Судя по слухам, он выдал цитату, достойную воплощения в граните и в бронзе. Цитирую: «Это большой корабль, но по меркам вселенной он всего лишь песчинка. Как пиксель на широкоформатном мониторе». Хотя, думается мне, это была всего лишь шутка. Ты знаешь, во времена работорговли на древней земле плантаторы нередко называли своих негров «Снежок». Как бы в насмешку. Вот и у Ларина похожее чувство юмора.

Мастерсон старался не отставать от Фостера, который передвигался по узким коридорам фрегата с ловкостью обезьяны, несмотря на состояние невесомости.

– Раз ты так хорошо знаешь Ларина, может объяснишь, за какой такой надобностью он посылает нас на Венеру? Насколько я знаю, «Пиксель» должен был стать одним из первых фре-

готов, которые повезут основную массу колонистов на Каллисто. И то не раньше, чем запустят космический лифт.

Дитрих Фостер притормозил на изгибе коридора и посмотрел на своего коллегу укоризненным взглядом.

– Олаф, Олаф, ну когда ты научишься мыслить масштабно. Колонисты-живые люди. Им нужно будет что-то есть по прибытии. На то, чтобы отстроить и запустить рыбные фермы потребуется время. Поэтому, нам нужен обширный запас продовольствия, причем продовольствия длительного хранения. А Венера является поставщиком 75% продовольствия растительного происхождения для всей солнечной системы.

Мастерсон поморщился, понимая что спросил очевидную вещь, в очередной раз позавидовав белой завистью проницательности его коллеги.

– Ну предположим, а зачем потребовались мы с тобой? Мы же биологи. Что мы понимаем в торговле?

Фостер тяжело вздохнул и отвел глаза. Он не ожидал, что этот разговор состоится так скоро.

– Понимаешь, Олаф, дело в том, что последнее время отношение нашей «Акватики» и венерианского «Поляриса» изрядно подпортились. Ненасытные менеджерки «Поляриса» последнее время закидывают всех судебными исками, отсуживая движимое и недвижимое имущество. Матриархини в принципе то любят качать права, а уж юристки и чиновницы подавно. Проблема усугубляется еще и тем, что у нашей «Акватики» нет своих специалистов, способных пилотировать корабли подобного класса. Капитана и команду пришлось нанять из бывших военных. Благо, после битвы на рубеже, космофлот приостановил строительство новых крейсеров, а академия продолжает выпускать специалистов без перебоев. Вот мы и понабрали по объявлению. Ларин не доверяет капитану. Опасается, что его перекупят. Поэтому он послал для сопровождения меня. Ларин доверяет мне. А я доверяю тебе, потому взял тебя с собой. Понимаешь?

Мастерсон неодобрительно покачал головой.

– Всё это дело пахнет большими рисками. Мне это не нравится. Я вообще не хотел улетать с Земли и оставлять Марджери одну. Ей нельзя нервничать. Любой стресс скажется на мальчиках.

Фостер успокаивающе похлопал коллегу по плечу своей перепончатой рукой.

– Не волнуйся. Мы только туда и обратно. Вернемся как раз к моменту родов. С корабля на бал.

Коллеги проплыли в невесомости оставшуюся часть пути и протиснулись через узкую дверь в просторное помещение капитанской рубки. За приборными панелями сидели члены экипажа фрегата и неспешно готовились к старту. На некотором возвышении в глубине помещения за капитанским пультом развалился в мягком кресле, весьма молодой для своего капитанского мундира, человек с азиатской внешностью. Заметив ученых, он приветливо помахал им, жестом приглашая приблизиться, что коллеги и не замедлили осуществить.

– Приветствую вас, джентльмены. Мистер Фостер, мистер Мастерсон. Прошу простить меня и мой экипаж за то, что не организовали вам торжественную встречу. Экипаж укомплектован на 30% от максимального, поэтому сейчас, во время предполетной подготовки, каждый член экипажа необходим мне на своем посту. Позвольте представиться, меня зовут Куан-Син. Капитан Куан-Син.

Я с отличием окончил академию космофлота, успешно прошел стажировку в объединенных вооруженных силах Солнечной федерации в чине лейтенанта и после увольнения в запас, принял на себя командование этим кораблем. Это мой первый гражданский полет, но будьте спокойны, я и мой экипаж обладаем достаточным опытом для быстрого и безопасного полета к точке назначения.

Дитрих Фостер долго тряс руку молодого капитана, разглядывая черты его лица.

– Это просто невероятно. Если верить учебникам, китайцы вымерли еще до Великого Джихада. Как вашим предкам удалось пережить эпидемию?

Капитан мягко улыбнулся. Судя по выражению его лица, ему часто приходилось отвечать на этот вопрос.

– Дело в том, что мои предки были членами маленькой диаспоры, перебравшейся из континентального Китая в Японию еще в конце 19го столетия. Японцы редко и неохотно вступают в смешанные браки, поэтому предки оказалась как бы в двойной изоляции. Закрытое сообщество внутри другого закрытого сообщества. Пока в других странах китайские эмигранты активно смешивались с представителями других народов, японские китайцы изолированно и спокойно пережили два столетия мультикультуризма, кровавую чуму и Великий Джихад. А когда человечество вновь устремилось к другим планетам, мои предки были в числе первых колонистов, отправившихся заселять Марс. Вот собственно и вся история.

Куан-Син смущенно улыбнулся и развел руками в широком жесте.

– Прошу меня еще раз простить. Мы скоро стартуем. Уже в обозримые пол часа. Я полагаю, вам следует занять свои каюты и подготовиться к перегрузкам. Для вас специально оборудованы каюты 75 и 76 по правому борту. Сами решите, кто какую займет. В каютах установлены гидрокапсулы. Рекомендую занять их до момента старта.

Коллеги попрощались с капитаном и поспешили в отведенные им помещения. Фостер выбрал каюту номе 75 и пожелав Олафу мягкого старта, закрыл за собой дверь. Небольшая каюта действительно была оборудована с учетом нужд жабродышащего землянина. На месте, где обычно располагалось противоперегрузочное кровать-кресло, была смонтирована герметичная гидрокапсула. Дитрих Фостер спешно сбросил с себя одежду, уложив её узлом в шкафчик, и забрался в гидрокапсулу, наглухо задраивая прозрачную крышку. Нащупав когтистыми пальцами пульт управления, он включил режим быстрого наполнения. В его бока мягко ударили гидромассажные струи теплой соленой воды, быстро наполнившие гидрокапсулу до самой крышки. Автоматически включились компрессоры, насыщая воду пузырьками кислорода. Фостер раскрыл жабры, истосковавшиеся по живительной влаге и блаженно растянулся на мягком прорезиненом дне. Путешествие обещало быть комфортным...

Генриетта ван Дейк размеренно давила на педали велосипедного тандема, наслаждаясь ощущением вибрации в её тренированных икроножных мышцах. Для Генриетты велосипедная прогулка была сущим наслаждением и бледным подобием тех нагрузок, которые ей приходилось переносить во время тренировок в академии. А вот, насквозь мокрая от пота Труды, громко пыхтящая за её спиной, была уже не рада, что согласилась на велосипедную прогулку. Её полные, заплывшие жирком, ноги едва успевали вписываться в круги, которые описывали педали. Сил Генриетты с избытком хватало на двоих. Запыхавшаяся Труды, не в силах вымолвить ни слова, просто похлопала влажной потной ладонью по спине Геты, оставив на её рубашке мокрое пятно. Понявшая всё без слов Генриетта, глазами искала подходящее место для привала. По счастью, поблизости оказался весьма густо озелененный сквер, лавочки которого, стоящие под сенью раскидистых хвойных деревьев, пустовали.

– Чуть чуть не доехали. Но тут тоже хорошее место для пикника. Ты как, Труды?

Генриетта слезла с тандема и повернулась к охающей подруге. Лицо Гертруды выражало вселенскую скорбь и адовы муки. Она промычала что-то неопределенное и указала пальцем на корзину велосипеда.

– Не волнуйся, не забуду я твою еду.

Гета выудила из корзины большой герметичный контейнер на ляжке, перекинула ремень через плечо и потащила стенающую подругу в сквер. Там, усадив пострадавшую на лавочку, она постелила небольшую скатерть, раскрыла контейнер и принялась доставать содержимое.

– Штрудели. Твои любимые. Ну же, Труды, улыбнись. Смотри, какая красота вокруг. Неужели ты не рада, что мы наконец то выбрались на воздух?

Гертруда быстро накинулась на еду, давая любимой выпечкой и обливая свою и без того мокрую от пота футболку, соком из бутылочки.

– Красоту на багет не намажешь. Боже мой, Гета, ты бы знала, как у меня теперь болят ноги. Я теперь неделю не смогу ходить. Тебе придется носить меня на руках.

Генриетта весело рассмеялась, оглядывая подругу оценивающим взглядом с ног до головы.

– Я не возражаю против этого. Будем считать, что это еще одна силовая тренировка. Обернем твой избыточный индекс массы тела мне на пользу. Укрепим мои мышцы.

Затем она более серьезно посмотрела жующей Гертруде прямо в глаза и произнесла тихим голосом.

– Если потребуется, я всегда буду носить тебя на руках.

Труды густо покраснела и смущенно отвела взгляд в ближайший кустарник. И тут же её смущение уступило место выражению озадаченности и любопытства. Она заметила в кустах какое то движение.

– Гета, смотри. Там что-то шевелится. Что-то живое.

Генриетта моментально сгруппировалась в боевую стойку и потянулась за спину, где в поясных ножнах лежал её верный тактический нож, но приглядевшись, вновь громко расхохоталась и полезла в кусты. Труды непонимающе смотрела, как подруга на четвереньках продирается сквозь густой кустарник и задумчиво жевала свою выпечку. Не прошло и минуты, как из кустов показалась слегка исцарапанная ветками смуглая кареглазая улыбающаяся физиономия и две ладони, на которых сидела маленькая серая полосатая киска, почти котенок, и смотрела на Гертруду своими непропорционально огромными глазами.

– Смотри, кого я там нашла? Какая же она тощая на ощупь. Изголодалась наверное.

И действительно, киска, почуяв запах выпечки, моментально замаякала тонким протяжным требовательным мяуканьем. Гертруда отломил кусочек штруделя и протянула ладонь с угощением под влажный носик кирпичного цвета. Киска понюхала угощение, и принялась жадно выгрызать творожную начинку из выпечки. Улыбка сползла с лица Генриетты. Она задумчиво посмотрела на киску и тихо произнесла.

– Она совсем как я в детстве. Только маленькая и мохнатая. Смотри как у нее капает слюна. Со мной было так же, когда я впервые... А впрочем, забудь. Это сейчас не важно. Важно её отмыть, расчесать и прогнать паразитов.

Гертруда ахнула от удивления, посмотрев на подругу как на умалишенную.

– Ты хочешь взять её себе? Тебе же скоро уезжать. Куда ты её денешь?

Гета пожал плечами, искренне не понимая саму постановку вопроса.

– Найду куда. В добрые ласковые руки, куда же еще. У меня еще масса времени, чтобы найти ей достойную хозяйку. А может и тебе оставлю.

Она было одарила подругу задорной улыбкой, но прочитав на лице Труды выражение ужаса, быстро сменила тему.

– Да, к тебе тоже нельзя. В общем что-нибудь придумаю. Давай решать проблемы по мере их поступления. Доедай свои штрудели и поедем мыть Альбину.

Труды подавилась выпечкой и закашлялась.

– Кого мыть? Гета, у меня все еще болят ноги. И вообще мы поехали отдохнуть вместе, а не заниматься благотворительностью.

Генриетта строго посмотрела на подругу. В её обычно добрых карих глазах появился незнакомый Гертруде металлический блеск.

– Альбину. Я решила так назвать киску. И мы возвращаемся сейчас. Это не обсуждается. Если хочешь, можешь остаться. Я вызову тебе такси.

Труди согласно закивала, располагаясь поудобнее и выгребая остатки выпечки из контейнера. Гета тяжело вздохнула и набрав на коммуникаторе координаты сквера, и послала запрос в транспортную службу. Затем взяла киску, моментально начавшую мурлыкать, на руки и посадила в освободившуюся велосипедную корзину.

– Держись крепче, Альбина, мы едем домой...

Резкая трель звонка разбудила Лину Мондые в её мягкой удобной постели. Она повернула голову на бок, приоткрыла один глаз и посмотрела на часы. До звонка будильника оставалось еще как минимум два часа.

– Вот какой заразе не спится?

Тихо пробормотала ректоресса, осознавая, что источником шума является видеозвонок. Она сгребла коммуникатор с тумбочки, машинально одевая его на запястье левой руки, и вызвала список входящих. Последняя строчка, мигающая красной надписью «Кана», все прояснила. Она села поудобнее, откинувшись на подушки, и нажала на мигающую надпись.

– Ну наконец то. Ты там что, впала в спячку, как медведица?

Ректоресса сладко зевнула и ответила сестре.

– Не буди во мне зверя. Когда наконец ты приучишься беспокоить меня только в урочное время?

Из коммуникатора послышался жизнерадостный смешок.

– Прекрати занудствовать. Я звоню по очень важному делу. Помнишь, мы обсуждали твоих кандидаток?

Лина Мондые крепко зажмурилась, силясь прояснить голову и мутное после сна зрение. Слезы выступили в нее на глазах. Она облегченно заморгала веками, избавляясь от ощущения, как будто глаза запылило песчинками.

– Помню. И с тех пор, мои девочки не стали ни на йоту хуже.

Кана резко перебила сестру.

– Не в этом дело. Слушай внимательно. Когда мы собирали заявки, мы сняли с каждой биометрию и взяли все возможные анализы. Кровь, слюна, лимфа. Сделали биохимию. Ты помнишь, как я говорила, что Генриетта ван Дейк сильно отличается от всех остальных?

Лина моментально проснулась. Она нащупала на тумбочке выключатель и жалюзи на окнах с легким шелестом поползли вверх, впуская в полутьму спальни яркий наружный свет.

– Разумеется помню. Что там случилось? Вы обнаружили у нее редкую мутацию?

Из коммуникатора послышался печальный вздох.

– Да если бы. Дело в том, что её организм никак не может принадлежать венерианке. Её биохимия весьма характерна для выходцев с Марса. Это само по себе вызывает массу вопросов. И тянет за собой два проблемы. Во первых, согласно устава нашего специального венерианского корпуса, в нашем составе не могут служить инопланетянки и полукровки. Мне очень не хотелось отдавать девочку с такими данными Космофлоту, но похоже придется. Во вторых, если она марсианка или полукровка, она никак не может быть одной из ван Дейков. Значит возникает вопрос. Кто она и с какой целью выдает себя за представительницу практически исчезнувшего клана? Может быть она инопланетная агентка или корпоративная шпионка? Я хотела бы выяснить все досконально до того, как ею заинтересуются спецслужбы. Я постараюсь придержать результаты анализов «под сукном» столько, сколько смогу. А ты постарайся выяснить для меня побольше информации.

Лина досадливо покачала головой, проведя ладонью по лицу.

– Ладно, Кана, я постараюсь всё разузнать. Чего только не сделаешь ради любимой сестренки...

Глава 4

– Ну ничего страшного. Была Альбина, будет Альберт. Ты только посмотри на это маленькое чудо.

Генриетта ван Дейк протянула подруге мокрое полотенце, на котором тощим пузиком кверху лежало серое полосатое кошачье тельце. Труды, расширенными от ужаса глазами, смотрела на маленький отросток, задорно торчащий ниже пузика. Котенок заискивающе смотрел на людей огромными желтыми глазами, рассчитывая на продолжение недавнего пира, и жалобно попискивал.

– Вонючий самец. Зачем только ты притащила в наш номер это чудовище. Он всё тут загадит.

Лицо Гертруды скривилось в гримасе отвращения. Пухлые кулачки её мягких полных рук непроизвольно сжимались и разжимались от гнева.

– Успокойся, Труды, ты сильно преувеличиваешь. Как такой милашка может нам навредить? Ну сама посуди? Он же такой маленький и беззащитный.

Генриетта осторожно переложила котенка с мокрого полотенца на сухое и начала осторожно пеленать мохнатого детеныша, следя за тем, чтобы когтистые лапки не цеплялись за махровую ткань.

Гертруда возмущенно фыркнула, резко развернулась и сметая стопку журналов с тумбы по пути, уверенным шагом направилась в маленькую кухню гостиничного номера.

– Гета, если я понадоблюсь, я буду у холодильника.

Генриетта закончила пеленать кошачьего малыша, оставив снаружи махрового кулька только пару смешных конических ушей и усатую мордочку с кирпичным носиком, который активно задергался, принимаясь к ароматам, доносящимся из кухни.

А из кухни явственно потянуло дурманящим голову запахом разогреваемого жаркого из марсианской говядины.

– Нужно было приготовить побольше. В следующий раз возьму больше вырезки.

Пробормотала себе под нос Генриетта ван Дейк и понесла свой мяукающий сверток на кухню. Котенок учуял запах сочного ароматного мяса и впал в голодную истерику. Он издал протяжный требовательный мяв, недвусмысленно прося поделиться с ним аппетитным мясным деликатесом. Гета нежно погладила зверька по переносице, критически осматривая остатки своего вчерашнего кулинарного шедевра, громко шкварчащие на сковороде. Труды встретила мохнатого оккупанта колючим взглядом.

– Даже не думай. Я не отдам этому вонючему самцу ни единого кусочка. Это моё.

Генриетта неодобрительно покачала головой, прижимая одной рукой к груди пищавший сверток, а другой роясь в недрах холодильника.

– Ничего страшного. Мы с Альбертом найдем что-нибудь другое. Правда, Альберт?

Гета улыбнулась, глядя на умиленную мохнатую мордочку, скалящую мелкие белые зубки в почти непрерывном мяуканье. Одурачивший запах жареного мяса придавал котенку сил, и маленькая мохнатая лапка наконец то вырвалась на свободу, полоснув когтями по смуглой коже Генриетты.

– Ух ты какие мы решительные. Ничего, сейчас мы тебя покормим и ты снова станешь лапочкой. Что тут у нас есть?

Гета выудила из недр холодильника флакон с соевым молоком и налила немного в блюдце. Осторожно опустив буйствующий когтистый комок шерсти на пол, она осторожно развернула полотенце, выпустив мяукающего страдальца на свободу. Шерсть на бедолаге топорщилась сосульками, придавая кошачьей мордочке сердитое выражение. Котенок направился было к источнику аппетитного запаха, но между ним и возмущенной Гертрудой, поме-

шивающей на плите жаркое, внезапно звякнуло об пол блюдо с молоком. Котенок принюхался, ткнулся мордочкой в густую белую жидкость, облизнул усы и принялся жадно лакать, разбрызгивая капельки молока по всему полу. Труды выгребла содержимое сковороды на тарелку и уселась в углу кухни, подальше от увлеченного угощением котенка.

– Следи за своим зверем, Гета, он уже заляпал весь пол. Я потом не буду его отмывать.

Генриетта ван Дейк сердито посмотрела на подругу. Её колючий взгляд явно говорил о том, что Гертруда приблизилась к опасной черте.

– А ты и так его никогда не моешь. Следи лучше за собой. Не создавай мне лишних проблем.

Труды насупилась и приступила к трапезе, однако недобрый огонек, блеснувший в её глазах, не предвещал мохнатому Альберту ничего хорошего. Малышка Труды всегда получала то, чего желала. Так или иначе...

– Какая красота, не так ли, джентльмены?

Капитан Куан-Син окинул широким жестом огромный желтовато-коричневый диск Венеры, закрывающий половину главного обзорного экрана.

– Через пару часов мы пристыкуемся к орбитальной станции «Экволити». Оттуда вы сможете спуститься на орбитальном транспорте на любую из платформ-городов Венеры.

Олаф Мастерсон задумчиво почесал подбородок и скептически протянул.

– А зачем все так усложнять? Может быть мы договоримся о закупке продовольствия дистанционно, и венериане доставят груз непосредственно на наш фрегат? Таким образом мы можем сэкономить кучу времени и нам и им.

Капитан Син покачал головой, критично посмотрев на Мастерсона, как на слабоумного.

– Мистер Мастерсон, доводилось ли вам когда либо ранее бывать на Венере?

Мастерсон рассеяно развел руками, всем своим видом признавая свою неосведомленность.

– Так вот, если бы у вас был подобный опыт, вы бы знали, насколько закрытым является венерианское общество. Все, что попадает на Венеру или покидает Венеру проходит через службу безопасности, будь то зерновые культуры, ценности или живые люди. И поверьте, во многом это к лучшему. В ваших же интересах было бы сократить знакомство с венерианским матриархатом до разумного необходимого минимума.

Доктор Дитрих Фостер похлопал по плечу коллегу и включился в разговор.

– Капитан, не могли бы вы прояснить нам несколько более детально, какого характера проблемы могут ждать нас на Венере.

Куан-Син тяжело вздохнул, снисходительно посмотрел на ученых и, усевшись в своем капитанском кресле поудобнее, начал рассказ.

– История колонизации Венеры началась задолго до того, как ваши предки получили свои жабры. Как вам известно из учебников истории, на момент, когда разразился Великий Джихад, колонизирована была только Луна. Иных технологий терраформинга, кроме постройки герметичного города-купола на поверхности планеты еще не существовало. Первые марсианские города, как и первичные структуры вашей «Посейдонии», были фактически скопированы с лунных полисов. А вот на Венере инженеры столкнулись с рядом препятствий. Чудовищное давление плотной атмосферы планеты, адская жара на поверхности, ураганные ветры и кислотные дожди. Часть этих проблем удалось решить, путем строительства уникальной структуры из полимерных материалов. Но проблему высокого давления удалось решить лишь частично. Инженеры успели возвести только один модульный купол, так и не найдя добровольцев, готовых с риском для жизни, обжить это чудо техники. И тут случился Джихад. На два десятка лет работы остановились, и станция была заброшена. Зато по окончании кровопролития, когда Земля объявила об автономии от Лунного правительства, перед землянами встал

вопрос, как поступить с побежденными, представляющими некую опасность для нового социального устройства. Селениты, где-то дипломатией, где-то подкупом, сумели убедить землян сохранить несчастным жизни и заменить массовые казни ссылкой в венерианскую колонию. Наверное вы читали в учебниках о великом гуманисте Алехандро Гримальди? Если бы не он, венерианского матриархата сейчас бы не существовало. Именно он профинансировал проект «город в облаках», когда с Венеры начали поступать сообщения о массовых смертях среди колонистов. Пока на старушке Земле продолжалось стремительное потепление, земляне покидали затопляемую, подступающими водами мирового океана, сушу. Кто-то, как мои предки, улетали на Марс. Кто-то, как ваши, спускались на дно океана, в «Посейдонию». А тем временем, селениты отстроили в атмосфере Венеры первый летающий город, куда и эвакуировали выживших с поверхности. На этом, монсеньор Гримальди счел свою гуманитарную миссию завершённой и переключился на решение проблем на Земле.

О Венере ненадолго забыли, вплоть до того момента, пока Солнечная Федерация не столкнулась с существенным дефицитом растительного продовольствия. Растениям, как известно, нужно много солнечного света, а большая часть колоний образовалась за пределами так называемой «зеленой зоны». Старушка Земля стала непригодной для этих целей, и тут вновь вспомнили про Венеру. Марсианская корпорация «Докуга» разработала гидропонные модули, которые впоследствии стали основой венерианской экономической мощи. Марсианские инженеры отстроили еще несколько летающих городов, под куполами которых раскинулись плантации, которые и по сей день производят 75% всего растительного продовольствия Солнечной системы. На Венере к тому времени окончательно сформировалось общество, основанное на идеях превосходства одного пола над другим и радикального реваншизма. Потомки ссыльных ничего не забыли и ничего не простили. Они ловко воспользовались жадностью руководства корпорации «Докуга», не желавшего переплачивать своим сотрудникам за контроль над практически автоматическими плантациями. Венериане охотно нанимались на работы, не требующие серьезных физических нагрузок за мизерную оплату. Андроиды «Докуги» работали, а аборигены присматривали за ними и осуществляли мелкий ремонт. Долгие годы обитатели Венеры успешно прикидывались слабыми, беззащитными и послушными, плодясь, размножаясь и занимая все административные позиции в структурах, которые возводились в летающих городах марсианскими инженерами. Единственное, о чем ревностно заботились аборигены-чтобы ни на один ключевой пост в этих структурах не попал выходец с другой планеты. Специально для этой цели была создана своя глобальная корпорация- «Полярис». А потом в 3402 году случился контакт. Какие то яйцеголовые умники нашли в марсианских руинах приборы древней цивилизации, которые активировали в ходе исследовательских экспериментов. И в результате привлекли к солнечной системе внимание галактического сообщества. Остальное вы знаете и без меня. Как только пришельцы развернули свою сторожевую сеть и объявили карантин, по всей системе началась смута. Администрация Венеры открыто заявила о автономии, подкрепив свое решение угрозами о введении эмбарго на поставку продовольствия за пределы планеты. А я напомним, и тогда и по сию пору 75% всего растительного продовольствия Солнечной системы возвращается на Венере. Поскольку, человечество оказалось на пороге большой войны, вступать в открытый конфликт с венерианским матриархатом никто не стал. Руководство солнечной федерации опасалось, что в процессе военных действий летающие плантации будут разрушены и человечество будет обречено на голод. Менеджеры «Докуги» подписали контракт о сдаче венерианам в аренду гидропонных комплексов под грабительские проценты с реализации продукции. По другому же контракту, они же продолжали поставлять на Венеру андроидов и оборудование, также по грабительским ценам. В результате, прибыли корпорации только выросли, а венерианский матриархат получил свою долгожданную автономию. Для нас же с вами, простых смертных, цены на продовольствие существенно поднялись, поскольку в цену венерианских продуктов теперь заложена не только потенциаль-

ная прибыль двух корпораций, но и бюджет целого планетарного государства. А, как известно, венерианские матриархины не привыкли ограничивать себя в расходах...

Олаф Мастерсон протестующе замахал перепончатыми ладонями, сиюсь вставить хоть слово в затянувшийся монолог капитана.

– Капитан Син, все это прекрасно, но вы утверждаете, что нам стоит сократить контакты с венерианцами до минимума. Нас интересует, почему? Причем с практической точки зрения. Чем это для нас чревато?

Куан-Син саркастически рассмеялся. В его глухом зловещем смехе чувствовались издевательские нотки.

– Чем угодно, начиная от немедленной депортации с планеты, заканчивая судебными исками на кругленькую сумму. Поймите, венерианцы, а вернее венерианки, которые собственно и составляют высшую касту венерианского общества, люто бешено презирают представителей противоположного пола, особенно выходцев из иных миров, в которых женщины не занимают лидирующих позиций в обществе. Отчасти, из страха перемен в их собственном обществе из-за возникновения примера альтернативной модели общественного устройства. Отчасти из-за радикального реваншизма. Они спят и видят, как поквитаться за Великий Джихад, в ходе которого их прабабки потеряли аналогичную власть в обществе старой Земли. Кроме того, венерианки обожают сутяжничать и качать права. Не успеете вы ступить на поверхность любого из летающих городов, вас моментально, за любой кривой взгляд, засыпят различными обвинениями и судебными исками. Поэтому, лучший способ избежать неприятностей-это провести все наши операции через терминал орбитальной станции. Произвести стыковку, пройти карантин службы безопасности. Подать стандартную заявку на закупку. Дождаться транспортных челноков с грузом. Загрузить груз в трюм и отчалить подобра-поздорову.

Мастерсон и Фостер многозначительно переглянулись. Длительные судебные тяжбы с инопланетянами не входили в план полета. Дитрих Фостер прочитал мольбу в глазах коллеги и махнул рукой.

– Хорошо, капитан, поступайте как считаете нужным. Очевидно, вы знаете об этом мире намного больше нашего. У нас нет иного выбора, как довериться вашей компетентности. Так, когда мы пристыкуемся к орбитальной станции?

– Скоро. Уже скоро...

Гета ван Дейк неспешно бежала по зеленой аллее по направлению к гостинице. Бег в её тренировка был подобен вишенке на торте. Когда усталые, приятно ноющие мышцы, работают в пол силы. Когда по ним разливается энергичный, от легкой нагрузки, кровотока, питая клетки тела живительным кислородом. Ей нравилось в момент окончания тренировок, когда силы покидают организм, сжать волю в кулак и прорываться через темную пелену, застилающую глаза от гипоксии. Бежать и дышать полной грудью. Мчаться вслед за солнцем, чувствуя как учащенный сердечный ритм резонирует пульсацией во всем теле. И наконец прорваться сквозь боль в мышцах, сквозь усталость к ощущению эйфорического полета, на своих легких и быстрых ногах, едва касающихся ступнями бетона улицы. Игнорируя лифт, Генриетта взлетела на девятый этаж по лестнице. Она небрежно хлопнула потной ладонью по электронному замку. Замок считал папиллярный узор её ладони и подушечек пальцев, глухо пискнул и заблокировал дверь. Шумно топя усталыми, медленно наливающимися свинцовой тяжестью, ногами, она вошла в номер. Трудно сидела на кровати в стерео-очках, смотрела какое то шоу и хрустела вафлями с шоколадным кремом.

– Привет, дорогая. Ты еще не вставала? Проснись и пой. Ты даже не представляешь как там снаружи сейчас хорошо.

Гертруда закуталась в одеяло плотнее и взяв очередную вафлю с подноса, пробурчала.

– Не знаю и знать не хочу. Дай мне спокойно посмотреть стерео.

Генриетта продефилировала в кухню, изо всех сил подавляя желание немедленно залезть в душ и смыть с себя грязь и пот после упорной тренировки. Она распахнула створку холодильника, выискивая хоть что-нибудь съедобное, при этом богатое драгоценным протеином. Вспомнив, что не она одна любит белковую пищу, она огляделась по сторонам.

– Альберт, Альберт. Иди сюда, кисонька. Давай вместе поищем что-нибудь вкусненькое. Альберт...

Гета заглянула в комнату, обшарив взглядом углы, складки одеяла кровати, на которой валялась Гертруда и даже заглянула под столик. Котенка нигде не было.

– Труди, ты не видела Альберта? Куда он мог спрятаться? Я уходила всего на три часа.

Гертруда посмотрела колючим взглядом поверх стерео-очков.

– Понятия не имею, где твой вонючий самец. Я ему в охранницы не нанималась. Дрыхнет небось где-то.

Генриетта ван Дейк еще раз облазила все углы небольшого гостиничного номера. Не найдя ничего, кроме пыли по углам, она вновь принялась тормошить подругу.

– Ну что тебе еще? Я же сказала, что не знаю. Может быть он сбежал. Это же уличный зверь. Вспомни, где ты его подобрала. Откуда я знаю, как сбежал? Может выскользнул наружу, когда ты пошла на тренировку.

Поняв, что от Труди не добиться толку, Гета бегом выбежала в холл, пронеслась мимо дверей лифтов и выбралась на лестничную площадку.

– Альберт, Альберт. Ну куда ты пропал?

Голос Геты эхом прокатился по лестничным пролетам, так и не получив никакого ответа. Генриетта поднялась на верхний, двадцатый этаж, заглядывая по пути в каждый лифтовой коридор. Затем спустилась вниз, повторив ту же процедуру. В доступных ей помещениях гостиницы котенка не оказалось. В гостиничном холле она обратилась к портье-щуплому, как и большинство венерианских мужчин, молодому человеку с кроличьим выражением глаз.

– Ты тут не видел котенка? Серый. Полосатый. Маленький. С большими желтыми глазами.

Портье отрицательно покачал головой. Генриетта выбежала на улицу, бормоча себе под нос.

– Альберт маленький. На своих коротких лапках он не мог уйти далеко.

Гета еще часа два бродила по округе, выискивая следы пропавшего питомца, но так и не нашла. Изрядно устав, и без того измученная тренировкой, она скрепя сердце, решила вернуться в номер. Когда она проходила холл, портье робко окликнул её, помахав в воздухе ладонью, затянутой в мягкую фланелевую перчатку.

– Простите, госпожа. Вы спрашивали на счет котенка. Котенка я не видел, но три часа назад ваша подруга проходила мимо с каким то свертком. Может быть это вам как то поможет?

У Генриетты потемнело в глазах от гнева. Мрачная как туча, она зашла в вызванный лифт и поднялась на свой этаж. В комнате отеля её ждала все такая же бесстрастная Труди, которая, устав от просмотра стерео, разглядывала глянцевый журнал.

– Где Альберт? Скажи мне. Я знаю, что ты его куда то унесла.

В голосе Геты не было ни злости, ни гнева. Только хрипота пересохшего горла и чудовищная усталость.

– Я ничего не знаю про твоего вонючего самца. А если бы и знала, то ничего бы не сказала даже под пыткой. Да и не станешь ты меня пытать. Ты же меня любишь. Любишь или нет? Если да, то выбирай. Я или это животное.

Усталая Генриетта оперлась спиной на дверной косяк и медленно сползла на пол.

– Значит ты и меня когданибудь так выбросишь из своей жизни, как ненужную ветошь? Когданибудь, когда я стану тебе не нужна...

Малышка Труди лишь беззаботно рассмеялась в ответ. Ведь она всегда получала то, что желала.

Глава 5

Мастерсон сжигал последние амперы энергии батареи своего коммуникатора, разглядывая голографию своей супруги. Сидящий рядом доктор Фостер, обхватив голову перепончатыми лапами, снова и снова прокручивал в голове события прошедшего дня. Стыковку с орбитальной станцией «Экволити», общение с чиновницами. Внезапный штурм, когда ученым заломали руки и швырнули в тесную плохо освещенную камеру. Очную ставку с капитаном Сином, на которой Куан-Син всячески отрицал свою причастность к корпорации «Акватика», благодаря чему тут же вышел на свободу, а Фостер и Мастерсон вернулись в камеру. И вот теперь, сидя на нижнем ярусе двухъярусной кровати и прижимая к сохнувшим жабрам влажный носовой платок, Дитрих Фостер пытался понять, что же они с Олафом сделали не так. Все, что успели сделать коллеги, это посетить так называемую «зерновую биржу», где прибывающие с разных планет торговцы вели аукционные торги за право на свою малую часть урожая зерновых, собранного с изобильных венерианских плантаций. Приценившись, доктор Фостер решил вернуться на корабль и уточнить у капитана Сина, какой объем пространства в трюме корабля можно занять контейнерами с зерном. И тут то в шлюзе ученых ждал неприятный сюрприз...

Резкий звон стальных прутьев, по которым прошла увесистая дубинка, вывел доктора Фостера из размышлений. Дюжая охранница с постной скупающей физиономией поигрывала наручниками за дверью камеры.

– На выход, жабье отродье. Встали, повернулись спиной ко мне. Нагнулись и руки за спину.

Коллеги повиновались, и холодная сталь наручников сомкнулась на их запястьях. Подгоняемые тычками дубинки в ребра, они шли по длинным узким коридорам тюремного блока станции. И даже не смотря на тычки, Дитрих Фостер едва находил в себе силы, чтобы продолжать шагать. Даже учитывая тот факт, что вращающаяся жилая часть станции обеспечивала искусственную силу тяжести за счет центробежной силы, равную половине от привычной ему земной. Охранница, особо не церемонясь, втокнула ученых в уже знакомый им по предыдущему допросу, кабинет.

– И снова здравствуйте. Снимите с них наручники, в этом больше нет необходимости.

Сидящая за столом сухощавая чиновница, всем видом своим напоминала хищную птицу. Крупный крючковатый нос, внимательные бусинки черных глаз, обладающих жадным цепким взглядом. Слегка скрюченные длинные узловатые пальцы с острыми наманикюрными коготками. Доктору Фостеру подумалось, что дай ей волю, она немедленно начнет выклеивать узникам печень, подобно мифическому орлу, мучившему Прометея. Фостер вспомнил о таком феномене, как конвергентная эволюция, в ходе которой различные биологические виды принимали схожий облик, в зависимости от образа жизни и среды обитания. Правда, у матушки природы на формирование схожего облика уходило миллионы и миллиарды лет, а эта женщина-коршун была явно моложе.

– Господин Фостер, господин Мастерсон. Позвольте мне от имени корпорации «Полярис» принести вас свои глубочайшие извинения. Грубое обращение с вами никак не связано с какой либо личной неприязнью, а являлось следствием жесткой необходимости. Мой долг поставить вас в известность, что в следствии возникшей финансовой задолженности корпорации «Акватика» перед корпорацией «Полярис», о которой вы, будучи учеными, могли и не знать, верховный суд планеты Венера постановил производить конфискацию любого имущества корпорации «Акватика», так или иначе попадающего под венерианскую юрисдикцию, вплоть до полной выплаты задолженности. Имущество подлежит скорейшей реализации, путем аукционных торгов. В связи с этим постановлением, мы вынуждены были конфисковать фрегат, на котором вы прибыли на нашу орбитальную станцию. Тем не менее, лично к вам

у корпорации «Полярис» претензий нет. Поэтому, с данной минуты вы Дитрих Фостер и вы Олаф Мастерсон можете быть свободны в своих передвижениях в пределах станции.

Чиновница сделала небольшую многозначительную паузу, затем добавила полупшепотом.

– Однако, чем скорее вы найдете способ покинуть территорию Венерианского Матриархата, тем для вас же лучше. Таких как вы у нас не любят.

С этими словами чиновница швырнула на стол пару кусочков пластика с магнитной полоской и продолжила уже в полный голос.

– Вот ваши временные удостоверения. Они дают вам право нахождения в общих помещениях орбитальной станции и свободного перемещения между ними в течении семи дней. За этот срок вы вольны либо найти себе какую либо работу, либо покинуть станцию. Всего доброго, господа.

Дождавшись, пока коллеги заберут свои удостоверения, чиновница красноречиво указала ученым на дверь.

– Итак, Генриетта, давай еще раз вернемся к твоему детству. Расскажи еще раз, откуда ты?

Кана Мондье сидела на краешке стола вполоборота к Генриетте, опутанной паутиной проводов и датчиков. Слева и справа от стула Генриетты стояли две массивных охранницы с дубинками наперевес. На голографическом мониторе полиграфа, стоящего на столе, выписывались причудливые кривые, выводящие показатели дыхания, сердцебиения и кровяного давления Генриетты ван Дейк.

– Я уже говорила вам, что не помню своего детства. Возможно, в следствии хронического недоедания.

Кана ухмыльнулась кривой усмешкой, покосившись на полиграф. Все параметры жизнедеятельности не превышали статистическую норму. Либо двушка сказала правду, либо она была чертовски хорошей лгуньей, с потрясающим самоконтролем.

– Ну хорошо, предположим. В таком случае, с какого момента твоей жизни ты себя помнишь?

Гета пожала плечами, вызвав шевеление пучков проводов, охватывающих её предплечья. Охранницы встали на изготовку, но поскольку дальнейших действий со стороны Генриетты не последовало, тут же опустили дубинки.

– Я помню себя с момента первых тренировок в академии. Плавание, кроссы, рукопашный бой, основы радиотехники. До академии я как будто не жила.

Полиграф продолжал безучастно выписывать ровные кривые, без явных пиков. Кана Мондье рассеяно покачала головой.

– Давай проверим прибор, как в самом начале нашего разговора. Еще раз скажи заведомую ложь. Например, что Венера имеет форму чемодана.

Генриетта посмотрела на офицерку со смесью жалости и недоумения, но подчинилась.

– Венера имеет форму чемодана.

Полиграф моментально ожил, показав сразу два острых пика. Кане показалось, что она нашла выход из ситуации.

– А теперь скажи, что Венера-вторая планета от Солнца.

Девушка эхом повторила фразу. Полиграф никак не отреагировал, поскольку это была чистая правда. Кана хитро прищурилась.

– А теперь скажи «Я родилась на Венере».

Гета вновь пожала плечами, повторив и эту фразу. Полиграф выдал на голографический экран резкий всплеск сердечной деятельности и подъем давления.

– Вот ты и попалась, девочка.

Кана Мондье заглянула в глаза Генриетте, желая увидеть в них испуг, замешательство, а то и вовсе панический страх, однако взгляд девушки обманул её ожидания. Глаза как будто

остекленели. Лицо Геты оставалось абсолютно безучастным. Ни единый мускул не дрогнул на её лице, когда Генриетта сделала резкий выпад в сторону одной из охранниц. Удар кулаком пришелся наотмашь костяшками прямо в лицо. Сила и скорость удара была такова, что охранница, не успев среагировать, отлетела к стене с разбитым лицом, глухо стукнулась о стену затылком и бесформенной тушей сползла на пол, оставив на стене вертикальный кровавый след. Вторая охранница взмахнула было дубинкой, целя в голову Генриетте, но тренированное, гибкое, текучее как ртуть, тело девушки, резко вышло из под удара, нанеся ответный контрудар в область солнечного сплетения. Толстая жировая прослойка на животе охранницы, спасла её от болевого шока. Как только дубинка бесцельно просвистела в воздухе, охранница сменила тактику, попытавшись взять увертливую девушку в захват. Второй раз увернуться Гета не успела. Огромные мясистые лапищи охранницы цепко обхватили её торс. Раздался треск сдавливаемых ребер. Генриетта ван Дейк вцепилась в толстую шею охранницы, силясь передать сонные артерии. Несмотря на то, что разница в весовых категориях была явно не в пользу Геты, тем не менее она ухитрилась поставить огромной охраннице подножку под левую ногу и резким пинком выбить опору из под правой. Сцепившиеся как дикие кошки, женщины покатались по полу, попутно разрывая тонкие проводки, всё еще связывающие тело Геты с прибором на столе. В этот момент, ошарашенная резкой сменой событий, Кана Мондье, вышла из ступора и прыгнула с края стола, пытаясь на ходу выдернуть из упрямо не желавшей растягиваться кобуры, лучевой пистолет. Она долго прицеливалась в мешанину сцепившихся тел и наконец выстрелила. Узкий яркий луч прошил пространство, попав Генриетте прямо в крестец. В воздухе запахло паленым мясом. Сильные мускулистые ноги девушки ослабли и соскользнули на пол. Охранница тут же подмяла под себя ослабевшую жертву, оторвав наконец то руки противницы от своего горла. В этот момент до сих пор бесстрастное лицо Генриетты ван Дейк исказилось. Вся правая часть лица видоизменилась. Глаз прищурился, а правый уголок рта опустился ближе к подбородку. Рот приоткрылся, выпуская на провисшую щеку тонкую струйку слюны. Тело девушки конвульсивно дернулось и затихло.

– Госпожа капитанка, кажется она мертва.

Дюжая охранница поднялась с пола, с отвращением разжимая мертвые пальцы Генриетты на своих запястьях.

– Я не виновата. Я ничего не успела ей сделать.

Кана присела над трупом, бегло осмотрев его.

– Я знаю, расслабься. Это insult. Нужно отправить тело на вскрытие. И позаботься о своей коллеге. Ей тоже сильно досталось...

Экс-капитан Куан-Син нашел землян в грузовом модуле орбитальной станции, где располагался импровизированный «космопорт». Вокруг суетились люди, андрониды, сновали туда-сюда автоматизированные погрузчики с массивными контейнерами в огромных клешнях-захватах. Все грузопотоки струились к торцу модуля, где располагалась муфта, соединяющая вращающуюся часть станции со статичной, за которой её величество невесомость вступала в свои права. Куан-Син застал доктора Фостера за словесной перепалкой с грузным неряшливым марсианином, который всем своим видом показывал свое несогласие с доктором, резко качая массивной головой и агрессивно скалясь, явственно показывая отсутствие двух передних зубов.

– У меня грузовой транспорт. Зерно везу фуражное. Пассажирских мест нет.

Сказал марсианин свистящим полупшепотом. Стоящий рядом Мастерсон вклинился в разговор.

– Не морочьте нам головы. На любом грузовом транспорте есть штатное место второго пилота. А значит, система жизнеобеспечения рассчитана минимум на двоих. Ну будьте же вы человеком. Мне нужно срочно домой. У меня жена вот-вот родит.

Марсианин оскалил свой щербатый рот в кривой усмешке.

– Эка невидаль-жена рожает. У меня ссссамого две жены, третья на подходе. И всех хлебом не корми-только дай родить. Сссказано же-месссст нет. Не положено.

Куан-Син вежливо похлопал по плечу Олафа и мягко вмешался.

– Не спорьте с ним, джентльмены. Давайте отойдем в сторонку и я объясню вам истинное положение дел.

Земляне последовали за экс-капитаном, тот откашлялся и существенно более твердым голосом продолжил.

– Видите ли, друзья мои, как я уже говорил вам перед стыковкой, венерианское общество очень закрытое. Совет кланов не заинтересован в утечке рабочей силы или ценной информации. Поэтому так просто по своему желанию покинуть орбитальную станцию у вас не выйдет. Ни один капитан не продаст вам билет на борт своего корабля. Согласно венерианским законам, чтобы улететь вам необходимо наняться в экипаж, причем срок контракта должен быть не меньше полугода. Насколько я понимаю, в венерианском торговом флоте идет постоянная ротация кадров. Все технические должности занимают инопланетяне, поскольку сами венериане, а особенно венерианки, имеют мягко говоря, «гуманитарное мышление». То есть, являются по сути, профессионально непригодными. То ли сказывается наследственность, то ли специфическая система образования на Венере, это не суть важно. Суть в том, что для того, чтобы корабли нормально летали, на борту должны работать специалисты. Изначально, пока корпорация «Докуга» тут всем заправляла, техническими вопросами занимались марсиане. Когда администрация Венеры заявила о автономии и экономическую нишу «Докуги» занял венерианский «Полярис», заменить технических специалистов стало некем. И тогда в светлые головы матриархинь пришла мысль привлечь мигрантов с других планет. Первое время, пока венерианское правительство через своих агентов распускало слухи о летающих городах Венеры, как о райском месте, населенном свободными женщинами, масса разного рода людей, преимущественно молодых и перспективных мужчин, ринулись в поисках доходной работы и обустройства личной жизни. По мере же попадания в венерианское общество, всех их ждало горькое разочарование в своих ожиданиях. Молодые умные мужчины сталкивались с вопиющим бесправием и потогонной эксплуатацией. Те их них, у кого была такая возможность, спешно покидали Венеру. Тогда то хитрые матриархини и придумали систему, при которой любой, неосторожно попавший в правовое поле Венерианского матриархата, оказывался перед выбором между кабальным контрактом и голодной смертью. Впрочем, несмотря на это, многие бегут с планеты и бегут успешно. Легче всего тем, кто имеет космические специальности. Таким как я. Я быстро сложил два и два, и уже нанялся на небольшой двухместный челнок, который курсирует по маршруту Венера-Луна. Мне в любом случае нужно нарабатывать стаж, так что после внезапной конфискации фрегата, ставящую под сомнение мою надежность перед будущим работодателем, полугодовой контракт будет своего рода реабилитацией моего доброго имени. Не подумайте, что я пекусь только о себе. Я искал вас?, чтобы сделать вам взаимовыгодное предложение. В отличие от этого марсианина, я с радостью возьму одного из вас на борт моего маленького челнока. Разумеется, в качестве члена экипажа. Например, штурмана. Если вы в будущем не планируете возвращаться на Венеру, вы имеете возможность сбежать с корабля, наплевав на контракт, как только мы совершим посадку на Луну. Взамен, вы замолвите за меня словечко перед руководством «Акватики», чтобы они не вносили меня в свои черные списки. Все таки, конфискованный фрегат был в зоне моей ответственности. Ну что скажете?

Коллеги многозначительно переглянулись. Доктор Фостер с надеждой посмотрел на экс-капитана.

– Так что же, взять третьего члена экипажа никак не получится? «Боливар не вынесет двоих»?

Куан-Син грустно улыбнулся и развел руками.

– Увы, друзья мои, увы. Вам придется сделать нелегкий выбор.

Доктор Фостер покачал головой и недолго думая произнес.

– Это выбор будет легким. Как старший в группе я несу ответственность за своих подчиненных. Тем более это я втянул Олафа в эту историю, значит мне и нести все риски. Я обещал ему, что он быстро вернется домой к жене. И я исполню обещание.

Дитрих Фостер положил перепончатую ладонь на плечо Олафа, заглядывая ему в глаза.

– Передавай привет Мардж. И обязательно сообщи обо всем Ларину. Пусть старик дернет за нужные ниточки и поскорее вытащит меня отсюда. Если, я не найду другой способ выбраться, то постараюсь протянуть до прибытия помощи.

Олаф Мастерсон благодарно сжал запястье коллеги.

– Спасибо, друг. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал...

Ночной хрустальный сад усадьбы клана фон Котикофф климатом своим напоминал скорее болото, нежели тропический лес. Из за испарений кольцевидного канала, воздух был пропитан сыростью. Влага активно конденсировалась на листьях растений, покрывая их густой росой. Фонтан в центре сада и вовсе походил на ледяной гейзер, разбрасывающий холодные, как льдинки, брызги в радиусе десяти метров. Великая мать не ощущала ни малейшего дискомфорта от брызг, развернув своё робокресло высокой спинкой к фонтану. А вот Гертруде было мягко говоря дискомфортно. Ледяные капельки, периодически долетающие до нее несмотря на изрядную дистанцию, попадали ей на лицо и за воротник комбинезона. Чувствуя холод, Труди ежилась, пряча голову в плечи, как нахохлившийся воробей.

– Итак, зачем ты оторвала меня от дел? Ты наконец то приняла решение?

Лицо Гертруды приняло решительное выражение. Она с вызовом посмотрела на мать.

– Я согласна на сделку. Я стану матерью и буду рожать новых потомков для клана. А взамен я хочу собственный космический корабль.

Изольда фон Котикофф согласно опустила веки сделав повелительный жест кистью.

– Разумеется. Я приобрету тебе небольшую славную яхту для орбитальных прогулок.

Взгляд Труди стал холодным и насмешливым, что впрочем никак не повлияло на её покорную позу съездившегося на морозе воробья.

– Мать, я хочу конкретный корабль. Размером явно больше яхты. Корабль, который послужил бы мне орбитальным домом, где я могла бы отдохнуть от тяжелых родов и прочих почетных но трудных обязанностей матери клана. Я хотела бы восстанавливать силы в невесомости с максимальным комфортом.

Великая Мать клана оглядела Гертруду с ног до головы с явным удивлением во взгляде, явно не ожидая от своей непутевой дочери такой глубокомысленности.

– Чтож, твоя просьба вполне справедлива. О каком корабле ты ведешь речь?

Труди вынула из нагрудного кармана информационный кристалл и протянула матери.

– Все данные есть на этом кристалле. Этот корабль класса фрегат, собственное имя «Пиксель», еще недавно принадлежал земной корпорации «Акватика» и был конфискован за долги. В данный момент фрегат пришвартован к орбитальной станции «Экволити» и скоро уйдет с молотка. Аукцион начнется через неделю. Я могу рассчитывать, что ты успеешь выкупить корабль для меня?

Изольда тяжело вздохнула, мысленно подсчитывая, во что ей может обойтись это предприятие, с учетом размера и стоимости корабля.

– Да, ты можешь на это рассчитывать. Слово Великой Матери-закон.

Гертруда наконец расправила затекшие плечи и гордо подняла голову. Сделка была заключена, и малышка Труди получит по ней то, чего хочет. Впрочем, как и всегда...

Глава 6

– Что это такое?

Кана Мондые с отвращением разглядывала странное паукообразное то ли существо, то ли механизм, то ли нечто среднее, лежащее в стеклянном освинцованном кейсе. Существо походило на смесь прозрачной медузы и водомерки. Крохотное тельце, пронизанное флуоресцентными нитями оканчивалось пучком длинных гибких щупалец, которые чуть подрагивали в такт пульсации световых нитей в теле. Кана перевела недоумевающий взгляд на Эрику Вайс – заведующую лабораторией перспективных проектов при совете кланов.

– Это бионический паразит, который мы извлекли из мозга покойной Генриетты ван Дейк. Очень интересное существо с научной точки зрения. Его тело состоит из живых тканей и органических полимеров. Своего рода кибернетический организм. Киборг. Причем, созданный из компонентов, никак не подвергаемых обнаружению нашими средствами диагностики. Перед вскрытием мы делали рентгеновский снимок всего тела и не обнаружили на нем ничего необычного. Но вернемся к паразиту. Состав живых тканей нам пока непонятен, мы работаем над расшифровкой его ДНК. Уже сейчас обнаружены фрагменты ДНК, характерные для медуз и аскарид. А полимерная часть организма, преимущественно в тушке, представляет из себя своего рода квантовый компьютер, который управляет поведением существа.

Капитанка Мондые подавила в себе желание немедленно выбежать из помещения лаборатории в ближайший туалет и очистить свой желудок от вставшего комом в горле завтрака. Мелкие бисеринки пота выступили на её загорелых щеках.

– Как он попал в её мозг? Откуда?

Заведующая включила голографический проектор, выведя на стену объемное изображение существа крупным планом.

– Мы задавались этим вопросом. Судя по состоянию черепа, голова госпожи ван Дейк никогда не подвергалась трепанации. Имплантация могла быть произведена либо через мягкие ткани головы, либо внутриутробно, еще в процессе формирования мозга. Так или иначе, извлечь паразита не убивая носителя, практически невозможно. То, что вы видите на голограмме – лишь малая часть его тела. Каждое из щупалец имеет многочисленные ответвления в виде еще более тонких щупалец, тянущиеся во все отделы мозга покойной. А они в свою очередь разветвляются в еще более кустистую сеть отростков, толщиной в микрон. Фактически весь мозг носителя опутан микроскопическими щупальцами, как паутиной.

Кану опять замутило. Лицо выдавшей виды кадровой офицерки скривилось в гримасе отвращения и брезгливости.

– И какую же функцию выполняют все эти отростки?

Эрика коснулась сенсорной панели, сменив картинку на плотную мешанину из мозговых клеток и длинных тонких отростков, похожих на усики земляники, пронизывающих клетки насквозь во всех направлениях.

– Будучи универсальными по своему назначению, они способны как считывать информацию, прошупывая синаптические связи, так и получать её на прямую, подключаясь к нервным волокнам, тянущимся от органов восприятия. Несколько щупалец выполняли питательную функцию, дотянувшись до кровеносной системы. И разумеется, эти же щупальца способны осуществлять контроль за носителем, управляя его восприятием и поведением. Сильно сомневаюсь, что этот паразит мог бы взять под контроль тело полностью, без участия головного мозга. С такой конструкцией, ему проще было бы имитировать сигналы, поступающие от органов восприятия, создавая для мозга некую искусственную или дополненную реальность, в которой носитель резко сменил бы линию поведения. Что собственно вы и видели на допросе, судя по вашему отчету. Когда личность покойной оказалась на грани раскрытия, находящийся

до тех пор в состоянии покоя паразит, вмешался в ход допроса вызвав у носителя вспышку агрессии. А когда тело носителя оказалось обездвиженным, попытался предпринять какие то телодвижения, вызвав разрыв кровеносных сосудов и геморрагический инсульт с летальным исходом.

Мондые опасливо посмотрела еще раз на освинцованный контейнер, в котором все еще подрагивало существо.

– Полагаете, ван Дейк знала о существовании паразита в своем мозгу?

Заведующая картинно развела руками, показывая искреннее недоумение.

– Боюсь, что этого мы уже никогда не узнаем. Технически, она могла и не подозревать об этом. Жить обычной жизнью, вести себя как обычный человек. Могла и знать, причем скорее полуправду. Эта версия более вероятна, иначе зачем паразиту было устраивать несчастной инсульт? Она определенно что-то знала, и создатели паразита явно не желали, чтобы ван Дейк заговорила.

Кана испытующе посмотрела в глаза заведующей Вайс.

– А вот с этого момента давайте подробнее. Кто мог создать это чудовище? Неужели пришельцы?

Эрика тяжело вздохнула, выключая проектор.

– Боюсь, вы преувеличиваете интерес галактического содружества к нашей маленькой планетке. Разумеется, для создания такого чуда техники потребовались бы весьма продвинутые технологии, но фрагменты ДНК, принадлежащие живым существам солнечной системы, говорят о том, что эта тварь-дело рук человеческих. Следы подобных разработок могут вести только в Кидонию. А значит, за этим стоит либо «Докуга», либо космофлот. Узнать подробнее-это уже ваша работа.

Кана зябко поежилась и принялась натягивать перчатки.

– Напоследок еще один вопрос. У вас есть какие либо соображения, как отличить носителя подобного паразита от обычного человека?

Эрика Вайс внимательно посмотрела в глаза капитанке и выдержала драматическую паузу. Неприятный холодок пробежал по спине Каны Мондые.

– Боюсь, что единственный способ обнаружить паразита – это вскрыть человеку череп и покопаться в мозге. Как я уже говорила ранее, паразит не оставляет следов на рентгеновских снимках. Мы затребовали медицинскую карту покойной из академии. Судя по записям, она ничем не отличается от обычного человека. Безусловно, её физические и биохимические параметры отличаются от жительницы Венеры, но скажем для обитательницы Марса все соответствует норме. Если бы создатели паразита использовали тело коренной венерианки, вы бы никогда и не заметили разницы. Поэтому, будьте внимательны. Носители паразитов могут быть среди нас, и даже не знать об этом. Это могу быть я. Это можете быть вы. Кто угодно.

Потрясенная этим откровением Кана Мондые с хрустом сжала свою крепкую правую ладонь в кулак. Ткань перчаток треснула, расходясь по швам. Еще никогда в жизни бравой капитанке не было так страшно...

Довольная Гертруда вышла из дверей своей спальни, вытирая кровь с костяшек пальцев скомканным полотенцем. Она швырнула полотенце в урну и крадучись пошла вдоль коридора, ведущего к выходу из особняка. Проходя мимо обеденного зала, она заглянула в приоткрытую дверь. Клан всё еще праздновал её свадьбу, не подозревая, что жених сейчас лежит прикованным к супружескому ложу, в кровь избитый с импровизированным кляпом, сделанным из каблука туфли, во рту. А невеста, тем временем, стараясь не шуметь на цыпочках идет по пути к свободе. Наконец Труди удалось проскользнуть незамеченной за ворота, где её ждало роботакси. Развалившись в удобном салоне, она наконец активировала свой коммуникатор

на запястье и включила режим голосового звонка. В уютный салон такси ворвался бодрый звонкий женский голос.

– Слушаю вас, капитанка. На связи лейтенант Миллз. Фрегат «Пиксель» готов выполнять ваши команды.

Гертруда надменно улыбнулась. Всю свою жизнь она мечтала о таком обращении. Наконец то её будут слушаться, и слушаться беспрекословно.

– Отлично, Миллз. Отправьте за мной челнок и подготовьте корабль к старту. Мы должны убраться с орбиты Венеры в течении двенадцати часов.

– Будет исполнено, госпожа.

Малышка Труды выудила из поясной сумки упаковку печенья в шоколадной крошке и принялась медленно есть, смакуя каждый кусочек шоколада, тающий у нее на языке. Она всегда получала то, чего хотела. Вот и на этот раз всё шло четко по её плану. Судьба благосклонна к прагматикам.

Доктор Дитрих Фостер сидел в жестком кресле в зале ожидания и маленькими глотками пил обжигающий венерианский кофе «Де Люкс». Выхода не было. Шестой день пребывания на орбитальной станции подходил к концу. Ночевки в зале ожидания начали отдаваться в его больных суставах ноющими болями. Вестей от Ларина не было, равно как и перспективы наняться на уходящие в дальний космос суда. В этот момент его отчаянный взгляд зацепился за нетипично громоздкую фигуру, рассекающую поток прибывающих и отбывающих космонавтов. Менее всего Фостер ожидал увидеть человека в скафандре внутри орбитальной станции, за пределами шлюза. Скафандр показался Фостеру несколько странным, поскольку за прозрачным светофильтром гермошлема плескалась вода. Это живо напомнило ему гидрокапсулу, в которой он проделал большую часть пути от Земли к Венере. Очевидно, внутри скафандра мог находиться только его соотечественник, землянин. У доктора Фостера затеплилась надежда. Человек в скафандре заметил его умоляющий взгляд и не спеша направился к ряду жестких кресел.

– Приветствую тебя, дитя Великого океана. Что ты делаешь здесь, в дали от дома, да еще в таком неподобающем виде?

Голос незнакомца оказался зычным и глубоким, подобным голосу хорошего оперного певца. Незнакомец присел рядом с доктором, заставив жесткое кресло жалобно скрипнуть под тяжестью скафандра.

– Боюсь, что я оказался здесь не по своей воле. Силой обстоятельств я был загнан в безвыходную ситуацию. Моя фамилия Фостер. Дитрих Фостер.

Незнакомец протянул ладонь в перчатке для рукопожатия.

– Ты можешь звать меня патер Юлиус. Я являюсь миссионером церкви Великого океана. Я прибыл спасать заблудшие души венериан, пока скверна окончательно не поглотила их.

Фостер недоверчиво посмотрел на странного священника. Однако, лицо его было вполне серьезно, похоже патер Юлиус искренне верил в то, что говорил.

– Церковь Великого океана? Почему я раньше никогда не слышал о такой?

Патер мягко улыбнулся. Похоже, рассказывать о себе и о своей вере давно стало для него делом обыденным.

– Наша церковь возникла сравнительно недавно. Мы, земляне океанического происхождения, верим в своё единство с Великим океаном Земли, из которого зародилась жизнь в солнечной системе. И по сей день мы выходим из вод Великого океана и возвращаемся в них после смерти. Вода к воде, ил к илу, прах к праху. Уверуй с нами, дитя, и мы протянем тебе руку помощи.

Сердце Дитриха Фостера бешено забилося в надежде на спасение.

– Вы имеете в виду, что поможете мне вернуться на Землю, если я присоединюсь к вам?

Патер Юлиус улыбнулся еще шире.

– Все нет, дитя. Дети Великого океана должны помогать друг другу бескорыстно, без всякого принуждения. Я помогу тебе вернуться на Землю, а ты по прибытии посетишь наш центральный храм в Посейдонии. И только после этого примешь решение. Истинную веру нельзя принять из под палки. К ней можно только прийти. И путь у каждого свой, зачастую весьма тернистый. Тем более, что помощь нужна тебе срочно, а меня ждут заблудшие души. Транспортный корабль нашей церкви отчалит через три часа. Я свяжусь с ними, предупрежу о еще одном пассажире. А пропуском тебе послужит вот этот информационный кристалл.

С этими словами патер Юлиус уронил на ладонь Фостера ярко голубой кристалл. Такой же ярко голубой, какой Дитрих запомнил свою родную планету, поднимаясь по трапу в открытом космосе. Ему показалось, что ладонь моментально наполнилась благодатным теплом. Ведь на ней он держал свой билет домой...

Часть первая

Ден Счастливец

Глава 7

Настойчивое мигание светодиода на приборной панели возвестило о том, что топливо в баке шатала подходит к концу. Еще пол часа полета и противно запищит зуммер, напоминающая пилоту о переходе на Н/З. Ден негромко выругался, со скрежетом почесал трехдневную щетину на подбородке и пошуршав с минуту кнопками на пульте, вызвал на монитор карту сектора. Задворки солнечной системы были той еще глушью. Вокруг на миллионы миль могло не оказаться не то что живого существа-даже навигационного зонда. Только астероиды большие и малые, космическая пыль да редкие обломки космических аппаратов времен начальной колонизации. Да и карта сектора составлялась более ста лет назад, еще до первого контакта. С тех пор, как галактическое содружество объявило внешние спутники карантинной зоной, ни одно военной или научное космическое судно Солнечной федерации не рискнуло пересечь пояс астероидов. Забраться в эту глушь мог либо контрабандист с ценным грузом для чужаков на Япете, либо торговый транспорт, шедший на Титан сбившийся с курса, либо беглец от закона, коим сейчас являлся счастливчик Ден.

Древний челнок, на котором Денис ударился в бега был одним из последних исследовательских судов, построенных до контакта. Пять лет путешествий на этой лоханке, почти полностью привели её в негодность. Топливный бак подтекал, ионные двигатели долго калибровались перед стартом, единственный манипулятор заедал в самый неподходящий момент. Но был один прибор на борту, который служил изначальной цели этой серии челноков и который за все пять лет Ден так ни разу не использовал. Мощный широкополосный радар. При включении прибора, лампы освещения моргнули и засветили тусклее. Циклопический радар поглощал львиную долю мощности силовой установки челнока. На мониторе, прямо на карте сектора появились три ярких желтых пятна. Два маленьких и одно побольше. Большое пятно было описано зеленым кружком. Это означало исходящий от объекта радиосигнал. Сигнал достаточно мощный, чтобы принять, дешифровать и установить обратную связь.

На дисплее связи возникло широкое, плохо выбритое, улыбающееся лицо, которое еле помещалось в кадр. Лицо было слегка чумазым, а улыбка отпугивала отсутствием передних зубов. Ден включил обратный сигнал и сдержанно помахал в камеру в знак приветствия. Лицо тут же оживилось и надтреснутым фальцетом с присвистом через щель между зубами проскрипело «Здорово ссссынок»...

Уже через два часа, сидя в тесном камбузе геологоразведочной станции, Ден давясь упертал из банки бобы неизвестного года консервации и слушал сбивчивый рассказ старика Митчела. Временами Митчел прерывал рассказ, заливался счастливым смехом, наполняя тесное помещение густым запахом перегара.

Как оказалось, станцию на этом астероиде, построили более двухсот лет назад. Недра астероида оказались богаты гелием 3-основным компонентом топлива для ионных двигателей. В начале колонизации солнечной системы, человечеству хватало тех запасов гелия 3, который добывали на лунной базе. Но все рано или поздно заканчивается. Особенно в руках жадных и одновременно расточительных межпланетных корпораций. Чтобы продолжить экспан-

сию в ближний космос, корпорации отправляли поисковые партии ко всем малым планетам и астероидам, в поисках чем бы поживиться. То тут, то там возникали маленькие станции по добыче полезных ископаемых и радиоактивных изотопов. А потом, в 3402 году случился контакт. В результате назад геологи так спешно эвакуировались со станции, что оставили все запасы, рассчитанные на поддержание жизни двух десятков человек в течении десяти лет. Так что, когда 15 лет назад Митчел наткнулся на астероид, он решил, что нашел клад. Митчел был мормоном. Жил он себе на Марсе со своими двумя женами и тремя сыновьями, держал ферму, разводил Марсианских двухголовых коров. И черт его дернул полететь на Венеру за дешевым фуражным зерном. Там он встретил молодую матриархиню и решил пополнить коллекцию. Первая то его жена была с Луны. Вторая с Земли, из столицы – Посейдонии. Захотел Митчел разнообразия. Вот только главного не учел. Законами венерианского матриархата строго запрещены ранние браки с инопланетянами. Пока двоих детей от венериан не родят, за инопланетян нельзя. А то инопланетяне народ ненадежный. Сегодня он есть, а завтра улетел в свой космос. С кого потом алименты взимать? На что деточек малых кормить? А так, если и сбежит инопланетянин от венерианки, сумму на содержание ребенка по её бывшим мужьям раскидают. Ведь чужих детей не бывает. Но Митчел пошел на хитрость. Любой мормон-глава семьи, он же и является духовным пастырем. А значит, по законам солнечной федерации, может самостоятельно заключать брак. Вот он сам себя и женил. И невесту с планеты умыкнул. Спрятал в контейнере с фуражным зерном и провез через таможеню.

И все бы ничего, да только венерианские чиновники оказались дотошными. Митчел оказался в федеральном розыске. А поскольку марсианские чиновники не отличались такой дотошностью, а сам Митчел после каждого урожайного сезона, никогда не забывал заносить пухлый конверт местному шерифу, то хитрый мормон успел продать за пол цены свою ферму со всем скотом, купить два челнока с запасными топливными баками и покинуть планету, прежде чем к нему нагрянули федеральные власти. На этом удача Митчела закончилась. При пролете через пояс астероидов к внешним спутникам, один из челноков прошил навывлет шальной метеорит, унеся с собой двух старых жен и двух сыновей. Пару месяцев Митчел пытался найти работу на Ганимеди, но и туда добрались дотошная федеральная инспекция. Оставив на спутнике старшего сына, на которого у властей ничего не было, Митчел с молодой женой стартовал к Сатурну, чтобы затеряться среди бескрайних пустошей, астероидов и космического мусора. Так он и наткнулся на брошенную станцию по добыче гелия 3, которая как будто специально ждала его прибытия. На ней он и провел следующие 15 лет. На ней родилась дочь Марша. С нее 10 лет назад стартовал к Ганимеду его челнок, управляемый его женой и грузеный до отказа гелием 3. Да так и не вернулся. С тех пор Митчел занимался добычей гелия 3. А когда все технические резервуары станции заполнились до отказа, проводил время между чтением псалмов для своей дочери и распитием самогона, сваренного из всё тех же перебродивших бобов неизвестного года консервации.

– Давай, ссынок, давай за встречу... старик Митчел разлил по пластиковым стаканам смердящее пойло из большой лабораторной реторты.

– Вссссе равно твой челнок еще долго будет заправляться. Гелий 3 сссспешки не любит. Ссслишком быссстро зальешь в бак- будет большой бум

Митчел улыбнулся беззубой улыбкой и сунул стакан с пойлом Дену под нос. Счастливчик тяжело вздохнул, отхлебнул смрадной жижи. Поперхнулся. И вторым глотком осушил стакан. Пол камбуза слегка покачнулся. Митчел присел обратно на стул и выдохнул. Машинально прожевав еще ложку бобов неизвестного года консервации, он взглянул на Митчела внезапно потеплевшим взглядом. Теперь, на фоне злоключений старика, его собственное положение уже не казалось Денчику таким уж бедственным...

После четвертого стакана сивухи, Митчел потащил упирающегося Счастливику знакомиться с красавицей дочкой. Ден встал, опершись о крепкое плечо старика, сделал шаг от стола... Пол камбуза не только закачался, но еще и завертелся и Денчик провалился в черную пустоту.

– Ну вот и ссславненько, вот и ссславненько...

Свистящий фальцет резанул по ушам Дена и он открыл глаза, обведя мутным взглядом помещение. Рядом с ним на краю кровати с древним огнестрелом в руках сидел старик Митчел и лучезарно улыбался ему своей беззубой улыбкой.

– Ну что же ты наделал, зятек?

– Ты чего, старик. Умом поехал? Возмутился Ден -Какой я тебе зятек?

– А кто доченьку мою, красавицу обесчестил, а?

Митчел ткнул огнестрелом в сторону. Ден медленно повернул голову в сторону стены и ком дурноты подкатил к его горлу. На сложенных стопкой подушках, едва прикрытое простынкой, покоилось тело, совершенной геометрической формы, напоминающее собой шар. Геометрическую безупречность нарушали многочисленные плотные складки в районе торса. Огромные пухлые руки стеснительно перебирали жиденькую косицу рыжих волос. Лицо существа было один в один как у Митчела, только раза в два шире, и было украшено тройным подбородком и бульдожьими висячими щеками. Огромные пухлые губы расплылись в жабьей улыбке. Водянистые серые глаза ласково буравили его пристальным взглядом.

– Привет, блондинчик! – нарушило гробовое молчание существо, голосом походившим на отрывку обьевшего бегемота.

Денчик взвизгнул, как загнанная в угол крыса и было дернулся от этого чуда, но под ребра ему уперся холодный и жесткий ствол огнестрела.

– Куда же ты, зятек? А кто будет нести ответственность?

И вот он, Деннис Дойл, стоит посреди тесной каморки маленькой капеллы и под дулом огнестрела, готовится стать семейным человеком во второй раз в жизни.

Страх ледяным узлом стянул внутренности в области солнечного сплетения.

Бобы неизвестного года консервации настоятельно попросились на свободу. По тесному помещению пополз запах страха.

– Слышь, батяня. Я тебе сейчас всю церемонию испорчу. Мне НАДО. Очень надо.

– Ничего ссстрашного, ссссынок. Сссоро ты ссстанешь частью сссемьи, а в сссемье можешь не сссстесссниться. Тут вссссе сссвои.

Но тут из под фаты шарообразное существо просипело

– Папенька, я не хочу выйти замуж за засранца.

Старик Митчел покосился на дочь и кивком указал Дену на дверь. Еще никогда Денниса не конвоировали в отхожее место под дулом огнестрела. Даже во время службы в космофлоте. Всякое бывало-наряды, гауптвахты, побои. Но чтобы так...

Наконец старик Митчел пинком втокнул Дена в тесный галльон и прошипел.

– у тебя дессять минут.

Счастливику Ден судорожно огляделся. Стандартный космофлотский галльон мало чем отличался от тех, которые он чистил два года службы в вооруженных силах. Но вот сливная труба... Денчик сразу живо вспомнил тренировки по подавлению восстаний в колониях. Как старый чернокожий сержант до седьмого пота гонял новобранцев вверх и вниз по трубам и техническим коридорам различных планировок. И приговаривал «Учитесь быстро ползать по пластуни. Когданибудь это спасет вам жизнь.» Отвернув дрожащими пальцами несколько болтов, Ден как можно бесшумнее снял унитаз со стойки и заглянул в широкое полтора на полтора

метра отверстие технического слива. Из темной бездны на него пахнуло волной смрада. Борясь с приступами тошноты, счастливчик Ден на мгновение заколебался, но тут перед его внутренним взором возникло широкое лицо с тремя подбородками, бульдожьими щеками и широкой жабьей улыбкой. Деннис очертя голову нырнул в зловонную пучину...

Когда Ден ввалился в рубку челнока, наспех натягивая скафандр поверх загаженного комбинезона, снаружи в шлюзе завывла сирена. Включилось аварийное освещение. Очевидно, старик Митчел обнаружил пропажу вероятного родственника, и включил систему безопасности.

– Поздно, папаша, поздно. Мстительно процедил сквозь зубы Счастливчик. Он наспех проверил уровень топлива в баке. Заправка была завершена на 50%. До Ганимеда не дотянуть, но на поиски топлива хватит. И не дожидаясь, пока старик Митчел догадается закрыть створки шлюза, Деннис, без калибровки, сразу включил форсаж ионного двигателя. Перегрузка впечатала его в кресло пилота. Челнок выкатился из шлюза на поверхность астероида, прокатился несколько сотен метров на шасси и ушел по касательной к мерцающим холодным звездам. Внезапно, коммуникатор ожил. Визгливый шепелявый голос старика Митчела крыл Дениса отборнейшей бранью.

Но Ден уже не слышал его криков. Он думал только о том, чтобы оказаться в любом месте во вселенной, где есть работающий душ. Чтобы смыть с себя вторичный продукт, некогда бывший бобами неизвестного года консервации.

Глава 8

В поле зрения коллекторов Ден попал еще на «Свободной Гавани». Орбитальная станция «Свободная Гавань» была построена корпорацией «Докуга» по госзаказу федерации в 3352 году, за 50 лет до контакта как исследовательская база на орбите Титана. Именно с нее предполагалось вести колонизацию и терраформирование спутника. Но контакт помешал планам солнечной федерации. Люди успели построить на поверхности Титана всего один купол и жилой комплекс под ним. Когда галактическое содружество объявило внешние спутники карантинной зоной, колонисты спешно бежали с поверхности спутника. А вот администрация станции получила от корпорации приказ остаться и наблюдать за пришельцами.

Так они и наблюдали за пришельцами следующие сто лет. А пришельцы наблюдали за людьми. Время шло, менялся экипаж станции. Прибывали и улетали торговые корабли компании. Прибывали и обживались на станции беглецы с внутренних планет и внешних спутников. Беглые преступники, изгои, религиозные фанатики, искатели приключений. Периодически с Япета через врата прибывали загадочные существа различных рас и видов. Туристы, торговцы, такие же авантюристы и беглецы, но уже от галактического закона. «Свободная гавань» принимала всех без ограничения. На станции шла бойкая нелегальная торговля. Технологией, предметами искусства, различными веществами и даже живым товаром. Наблюдатели на Япете смотрели на контрабанду сквозь пальцы, власть солнечной федерации заканчивалась на спутниках Юпитера, а компания «Докуга» получала теневой торговли свой процент с каждой сделки. И все были довольны.

Счастливчик как раз прохаживался по сегменту огромного отсека, бывшего некогда ремонтным доком, ныне приспособленным под базар. Деннис искал сменное шасси для своего челнока. Без исправного шасси о посадке на планетоиды можно было забыть. А Денчику не улыбалось неопределенное время болтаться в космосе, причаливая только к орбитальным станциям.

Отсек кишел людьми и разными существами различных форм и окрасок. Существа хаотично перемещались между стопками и пирамидами из контейнеров, лотками со штучным товаром и клетками с живым товаром. Живой товар представлял собой преимущественно обитателей солнечной системы. Ден как раз протолкнулся между лотком с разноцветными котятками и клеткой с аллигатором и вышел на небольшую площадку, где вокруг подиума собралась шумная многоликая толпа нелюдей размахивала щупальцами, клешнями, ложноножками и прочими непонятными конечностями, наперебой предлагая свою ставку. А на подиуме шел то ли аукцион, то ли модельный показ. Из за импровизированных кулис по очереди выходили фривольно одетые женщины и демонстрировали особенности своей внешности.

Деннис как раз успел к очередному шоу. Из за занавески вышла бледная маленькая землянка. Она улыбнулась толпе своей острозубой хищной улыбкой, помахала перепончатой лапкой в знак приветствия и игриво раздула жабры на шее. Толпа одобритительно заверещала. Денчика передернуло. Он не любил Землю и землян. С тех пор, как человечество потеряло колыбель своей цивилизации, когда суша планеты оказалась непригодна для обитания, остатки человечества, не вписавшиеся в программу космической колонизации, были вынуждены вернуться в океан, откуда некогда вышла жизнь на Земле. Сначала люди с успехом применили технологию городов-куполов отработанную при колонизации Луны и Марса и построили подводные города на дне океанического шельфа. А затем, по мере роста населения, были вынуждены пойти на генетические модификации, чтобы жить в водной среде. И эти модификации пугали Денчика до смерти. В детстве дедушка Наби говорил ему, что если он, Ден, не будет слушаться, то ночью из канала вылезет зубастый землянин и утащит его под воду. Когда Ден стал

большим, он, помня рассказы дедушки, продолжал держаться от земных женщин подальше. Кто знает, что там у них еще зубастое? Когда землянка ушлепала на своих лапах за занавес, Ден облегченно выдохнул и вытер вспотевшие ладони о комбинезон. Следом за землянкой, жужжа и полязгивая, на подиум вышла хрупкая высокая селенитка в характерном для уроженцев малых спутников, экзоскелете. Станция «Свободная Гавань» вращалась вокруг своей оси и поддерживала за счет центробежных сил, притяжение на уровне половины от земной. Оно считалось наиболее комфортным для большинства обитателей солнечной системы. Вполне комфортно для Дена, чуть больше, чем на родном Марсе. Но для селенитки притяжение было в три раза больше привычного. Поэтому передвигаться без экзоскелета, да еще и покачивать при ходьбе филейной частью перед галдящей толпой, было бы решительно невозможно. После того, как селенитка улязгала в своем экзоскелете, за кулисами возникла короткая пауза, возня, глухая ругань. А затем... Затем занавес откинулся и пара дюжих молодцов в силовой броне швырнули на середину подиума круглый шар телесного цвета. Шар громко визжал, причитал, шипел как гремучая змея и стыдливо прикрывал пухлыми ладошками причинные места, едва скрываемые нижним бельем. К горлу Денчика подкатился знакомый ком. Венерианская матриархия во всей своей красе.

Венериане в дальнем космосе были большой редкостью. Собственно, из за многолетней депопуляции, они и на Венере то были большой редкостью. Огромные массивы венерианских зерновых плантаций, располагающихся в летающих городах Венеры, которые обеспечивали производство 75% растительной пищи солнечной системы, исправно обслуживали андрониды,купаемые Венерианским матриархатом на Марсе у корпорации «Докуга» в промышленных количествах. В промышленных потому, что заботиться о технике венериане не умели. Большую часть выходящих из строя роботов, они возвращали на Марс по цене лома. Так что марсианские корпорации считали ведение бизнеса с венерианцами весьма выгодным делом. Немногочисленные технические специалисты, занимающиеся на Венере посильным ремонтом были либо наемниками с других планет, либо работали в закрытых лабораториях на венерианский Совет кланов. Большинство же простых венерианцев занимались различной деятельностью, в зависимости от пола. Женщины занимали все административные должности, а мужчины служили обслуживающим персоналом. Поскольку женщины занимали в венерианском обществе привилегированное положение, берегли их как зеницу ока. Вдвойне странно было увидеть одну из них в качестве живого товара на задворках солнечной системы. Но Денчика беспокоила отнюдь не её неприкосновенность. С венерианками у него была связана масса неприятных воспоминаний личного характера. Впрочем, толпа вокруг подиума была с ним солидарна. Пришельцы затихли, убрав свои клешни, щупальца и прочие конечности. Желающих приобрести 150 килограмм венерианской женственности не нашлось. Венерианская матриархия все еще пыталась подняться на ноги, но её специфическое ширококостное телосложение осложняло процесс. Она пыталась встать с корточек, опираясь на пухлые руки. Со стороны это выглядело устрашающе, как будто боец сумо вышел на дохё и готовится к схватке. Пришельцы в страхе попятились. Еле сдерживая рвотные позывы, Счастливчик тоже начал выбираться подальше от сцены, но внезапно уткнулся носом в нагрудную пластину силовой брони. Судя по исполинскому росту и не скрываемому даже силовой броней, худосочному телосложению, человек был уроженцем Луны. Из под поднятого забрала светофильтра Дена буравила пара внимательных черных как уголь глаз.

– Деннис Дойл? Голос усиленный динамиком резанул по ушам.

Ден подался было назад, но под локоть его ухватили цепкие сильные пальцы. За его спиной, похожий на инсталляцию из серебристого металла и белого пластика, стоял андроид серии RFS. Той самой серии, которую марсианские фабрики массово поставляли на Венеру.

На предплечье механической руки, схватившей Денчика, красовался характерный для андронидов-медиков, красный крест. Такие андрониды хранили в своей памяти весьма точные анатомические атласы всех известных человеческих видов. Дурные опасения Денниса подтвердились, когда андронид нажал на болевую точку под локтем и рука онемела...

Ден бежал по узким коридорам, ведущим в док. Сердце колотилось в унисон громящим шагам селенита за спиной. Впрочем, селенит в его крупногабаритной силовой броне не так беспокоил Денниса, как подвижный и безупречный в своей координации, андронид. Сбежать от него было намного сложнее. За последние три часа RFS 90210, как представил его селенит, начал сильно действовать на нервы Счастливику. Сначала именно в его стальном захвате, Дену пришлось проследовать в помещение, арендованное селенитом. Затем, Ден битый час выслушивал суть претензий этой сладкой парочки. Билл Уилкоккс, свободный охотник, подписал со службой безопасности венерианского матриархата контракт на розыск, поимку и доставку гражданина Марсианской конфедерации Денниса Дойла, обвиненного в неуплате алиментов на бывшую жену. Либо, как было указано в контракте, на единовременное взыскание всей суммы задолженности за 5 лет. Когда Уилкоккс сунул Дену под нос счет, у него зарябило в глазах от избытка нулей в сумме. Аргументы Денчика по поводу своей фактической бездетности и оформлении развода по марсианским законам Уилкоккса не трогали. Юридические тонкости его не касались. А вот RFS, который был выдан свободному охотнику в помощь предусмотрительными венерианскими чиновниками, начал призывать к совести Дена, в полном соответствии с прошивкой в его электронных мозгах. За пару часов Ден узнал, как стыдно не обеспечивать свою богиню, которая отдала ему лучшие годы своей жизни, попирая его, Счастливика, своей изящной лыжеподобной стопой 45го размера. Даже свободный охотник не выдержал занудства робота, и отошел, якобы отправить послание заказчику, и оставил Денчика наедине с этим автоматизированным пыточным аппаратом. А RFS все вещал, что настоящий мужчина на месте Дена уже давно взял бы в первом федеральном банке кредит на всю сумму задолженности, под залог своих парных органов, доставил бы деньги лично в руки матриархине. И еще целовал бы бетон, по которому она ходила, в знак благодарности за то, что матриархиня соизволила принять отступные. Фраза про бетон оказалась последней каплей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.